

ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА

род. 1792 г., † 1859 г.

Въ 1867 г. въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ напечатаны были воспоминанія Владимира Ивановича Панаева, бывшаго статсъ-секретаря и управляющаго канцелярією министерства императорскаго двора при двухъ министрахъ: князѣ П. М. Волконскомъ и графѣ В. Ѳ. Адлербергѣ. Въ предисловіи къ этимъ замѣчательнымъ по богатству содержанія запискамъ, оконченнымъ въ Пятигорскѣ лѣтомъ 1859 года, В. И. Панаевъ говоритъ: „Буду-ли продолжать, не останавливаясь на 1832 годѣ? ¹⁾ Вопросъ, на который я самъ себя не могу отвѣчать положительно. Это зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ свободы располагать моими занятіями. Но если буду, то уже не въ такой связи и послѣдовательности, какъ прежде, потому что событія

¹⁾ Воспоминанія В. И. Панаева, изданія „Вѣстникомъ Европы“, доведены только до 1833 г. и состоятъ изъ четырехъ главъ:

Перечисляемъ здѣсь содержаніе этихъ главъ:

Глава первая: Мое дѣтство.—Наше семейство.—Мой отецъ, братья и сестры.

Глава вторая: Вступленіе мое въ университетъ (казаискій). — Вступленіе въ службу.—П. Ф. Желтухинъ.—А. И. Тургеневъ.—А. А. Витовтовъ.—А. И. Красовскій.—И. И. Ястребцовъ.

Глава третія: Служба моя по министерству народнаго просвѣщенія.—Князь А. Н. Голицынъ, М. Л. Магницкій, А. С. Шишковъ.

Глава четвертая: Служба моя по министерству удѣловъ. — Князь П. М. Волконскій.—Л. А. Перовскій. — М. М. Сперанскій. — Графъ В. П. Кочубей.

ближайшаго времени какъ-то менѣе удерживаются въ моей памяти... Можетъ быть, ограничусь разсказомъ въ видѣ отдѣльныхъ статей, о тѣхъ только случаяхъ, которые и для меня болѣе памятливы. Сверхъ всякаго ожиданія, я написалъ нѣсколько такихъ статей здѣсь на Кавказѣ“.

Съ нѣкоторыми изъ упомянутыхъ здѣсь В. И. Панаевымъ статей, мы познакомимъ читателей „Русской Старины“. Эти статьи составляютъ послѣдній трудъ Владиміра Ивановича! на возвратномъ пути съ Кавказа въ Петербургъ онъ скончался, въ Харьковѣ 20-го ноября 1859 года.

Ред.

I.

Безкорыстіе и твердость кн. П. М. Волконскаго.

Императоръ находился въ отсутствіи, обозрѣвая войска, въ западныхъ губерніяхъ расположенныя, когда получилъ извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи великой княгини Маріи Александровны, сыномъ, великимъ княземъ Николаемъ Александровичемъ. Онъ обрадовался этому въ высшей мѣрѣ. Въ отвѣтномъ письмѣ наслѣднику о сдѣланномъ новорожденному назначеніи по арміи выразился не просто, а восторженною фразою: „ура! шефъ гренадерскаго гусарскаго полка!“ Немедленно прискакалъ въ Царское село, и въ день крестинъ произвелъ тридцать шесть или тридцать восемь человѣкъ въ полные генералы, чего отъ начала существованія въ Россіи регулярнаго войска не бывало. Въ крещеніе великаго князя Александра Александровича, 5-го марта 1845 года, послѣдовало также не мало милостей, изъ которыхъ важнѣйшія были: возведеніе вице-канцлера графа Нессельроде въ званіе канцлера иностранныхъ дѣлъ, поравнявшее его съ фельдмаршаломъ, и пожалованіе министру двора, князю Волконскому, бывшему въ то-же время и канцлеромъ орденовъ, четырехъ сотъ тысячъ рублей изъ суммъ удѣльныхъ. Пріѣхавъ въ то утро во дворъ къ выходу, я пораженъ былъ этимъ извѣстіемъ, сообщеннымъ мнѣ графомъ Шуваловымъ, который, между прочимъ, спросилъ меня: „въ какомъ классѣ положенъ канцлеръ орденовъ?“ — „Во второмъ“. — „Ну такъ и есть: а государь вѣрно думалъ, что въ пер-

вомъ, и поэтому, не зная чѣмъ наградить князя Волконскаго, пожаловалъ ему большую сумму денегъ“. Мнѣ было больно за князя. Какъ-же сравнить заслуги его съ заслугами графа Нессельроде, который стоялъ всегда ниже его, а теперь вдругъ сталъ выше? Однако-же, порядокъ требовалъ поздравить князя. По окончаніи выхода, онъ позвалъ меня къ себѣ съ бумагами. „Позвольте поздравить“, сказалъ я бѣгло, почти сквозь зубы. „Не поздравляйте: я не признаю это наградою, я не приму этихъ денегъ“.— „Какъ не примете? вы обидете государя“.— „А зачѣмъ онъ меня, старика, обидѣлъ? Зачѣмъ замаралъ мой формуляръ? Я никогда не просилъ и не получалъ денегъ. Я служу не изъ-за этого“.

Во дни крестинъ новорожденныхъ членовъ августѣйшаго семейства бываетъ во дворѣ обѣдъ для чиновъ первыхъ трехъ классовъ. Передъ мѣстами ихъ величествъ, на противоположной сторонѣ стола, приборовъ не ставится, а оставляется небольшой промежутокъ, чтобы дать просторъ ихъ взору. Съ правой стороны, такъ сказать, пробѣла, садятся по старшинству члены государственнаго совѣта, съ лѣвой—члены синаода. Князь Петръ Михайловичъ занималъ всегда первое мѣсто съ правой стороны, теперь долженъ уступить его старшему. Графъ Шуваловъ, исправлявшій тогда должность оберъ-гофмаршала, и камеръ-фурьеръ не рѣшались измѣнить порядка въ размѣщеніи лицъ, и записочка съ именемъ князя Волконскаго осталась, попрежнему, у крайняго прибора. (За государевымъ столомъ у каждаго прибора кладется записочка съ именемъ особы). По всегдашней своей заботливости, князь Петръ Михайловичъ не одинъ разъ, бывало, прихаживалъ въ столовую, чтобы заблаговременно осмотрѣть все-ли такъ, какъ слѣдуетъ. Такъ и въ этотъ разъ пришелъ онъ туда, и увидавъ, что записка съ его именемъ лежитъ у перваго прибора, самъ переложилъ ее ко второму, а записку, обозначающую мѣсто графа Нессельроде,—къ первому.

На другой день я опять спросилъ князя—неужели онъ въ самомъ дѣлѣ не приметъ денегъ? „Казначей приносилъ ихъ ко мнѣ, но я прогналъ его съ ними“.— „Говорятъ, что на вашемъ имѣніи, полученномъ отъ тетушки, числится именно 400 тысячъ рублей: государь хотѣлъ вамъ дать возможность избавиться этого бремени“.— „Долгъ этотъ не на мнѣ, а на имѣніи, а имѣніе.

принадлежитъ дѣтямъ, они и выплачатъ, я-же не пользовался имъ и не пользуюсь; весь доходъ, за исключеніемъ ста двадцати тысячъ ассигнаціями, изъ которыхъ шестьдесятъ тысячъ назначилъ я на содержаніе тетушки и по тридцати сыновьямъ, обращаются въ уплату долга, котораго прежде было около трехъ милліоновъ; уплачена-же половина“. Я замолчалъ, а дня черезъ четыре не утерпѣлъ,—опять сдѣлалъ ему этотъ вопросъ. „Вчера, отвѣчалъ князь, императрица и наслѣдникъ приходили убѣждать меня, говоря, что государь огорчается; ну, нечего дѣлать, я согласился. Однако-же, деньги эти не будутъ моими, я сдѣлалъ имъ назначеніе“. Съ симъ словомъ онъ отперъ ящикъ письменнаго стола и подалъ мнѣ страничку исписанной бумаги, говоря: „вотъ сдѣланное мною назначеніе, уладьте мнѣ это“. Въ запискѣ было сказано, что онъ, служа болѣе 50-ти лѣтъ, бывши въ столькихъ походахъ и сраженіяхъ, раздѣляя съ войсками труды и опасности, всегда желалъ принять участіе въ обезпеченіи участи раненыхъ ветерановъ, но не имѣлъ къ тому средствъ; вынѣ-же, по милости государя, онъ ихъ имѣетъ, и потому жертвуетъ въ пользу инвалидовъ пожалованныя ему 400 тысячъ руб. сер.

Мнѣ не понравилось такое назначеніе, какъ сдѣлавшееся слишкомъ обыкновеннымъ и потерявшее прежній вѣсъ отъ поступленія въ комиссію раненыхъ разныхъ взносовъ, не отъ чистаго источника происходящихъ, и хотя я и обработалъ проектъ князя, но составилъ и другой свой, состоявшій въ томъ, что онъ жертвуетъ эти деньги въ пользу военно-учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы на проценты съ капитала, на вѣчныя времена, содержалось въ трехъ старшихъ кадетскихъ корпусахъ такое число воспитанниковъ изъ родовыхъ обѣднѣвшихъ дворянъ, какое окажется возможнымъ.

Прочитывая на другое утро оба проекта, министръ сказалъ мнѣ, что предпочелъ-бы мой, если-бы сегодня ночью не придумалъ другаго назначенія. „Въ чемъ-же это состоитъ?“, спросилъ я. „Объ этомъ узнаютъ послѣ смерти моей“, отвѣчалъ князь.

Много толковали, старались угадать—отчего государь императоръ поступилъ такъ въ отношеніи князя Волконскаго, обойдя его графомъ Нессельроде, и всѣ сходились къ одной мысли, что это ошибка, что канцлера орденовъ считалъ онъ въ первомъ-же

классѣ. Но Богъ знаетъ, въ такомъ важномъ случаѣ нельзя допустить подобной ошибки,—долго-ли справиться? Не вѣрнѣ-ли то, что слышалъ я отъ Перовскаго?

Левъ Алексѣевичъ говорилъ мнѣ: „князь на меня сердится за то, что я представилъ свѣдѣніе о долгѣ на его имѣніи. Развѣ я могъ не исполнить высочайшаго повелѣнія? Знаю, что князю хотѣлось быть фельдмаршаломъ, но знаю также и то, что этому не бывать. Государь сказалъ однажды графу Адлербергу, что только на полѣ чести намѣренъ онъ жаловать этотъ высокій чинъ“. Не полагаю, чтобы Перовскій лгалъ. Государь могъ возымѣть такую правильную мысль къ невыгодѣ князя Волконскаго. Если-же, спустя пять лѣтъ, пожаловалъ его въ фельдмаршалы и самъ съ дѣтьми во всей формѣ пришелъ его поздравить, то, конечно, уступивъ массѣ возможныхъ заслугъ этого человѣка и въ теченіе этихъ пяти лѣтъ убѣдясь еще болѣе въ его усердіи, преданности и достоинствѣ. Уже одно то, что въ 1813 и 1814 годахъ князь Волконскій былъ начальникомъ главнаго штаба всѣхъ союзныхъ армій, давало ему право на это возвышеніе. Радецкій, начальникъ штаба австрійской арміи, впоследствии фельдмаршалъ, былъ тогда у него подъ командою. Князь, дѣйствительно, негодовалъ на Перовскаго, освѣдомясь, что свѣдѣнія о долгѣ были имъ собираемы и что онъ не сказалъ ему объ этомъ.

Случай этотъ подѣйствовалъ на здоровье князя. Еще осенью около 1844 года, когда дворъ долго оставался въ Гатчинѣ, онъ захворалъ припадками безсонницы и сильной жажды, которая утолялась только молокомъ, и хотя былъ на ногахъ, но начиналъ впадать въ уныніе: такъ, однажды, писалъ онъ мнѣ, а графу Орлову (впоследствии князь) поручалъ, въ случаѣ своей смерти, взять изъ такихъ-то ящиковъ городского его бюро запечатанные пакеты и представить ихъ государю. Вскорѣ послѣ крестинъ Александра Александровича припадки эти возобновились. Врачи нашли, что это *diabitis*—болѣзнь, отъ которой едва-ли кто выздоравливалъ, и что ему надобно бѣжать лѣчиться въ чужіе края. Такого важнаго и неизлечимаго больнаго они, разумѣется, старались скорѣе спихнуть съ рукъ. А какъ въ ту пору, начиная также съ осени, былъ все нездоровъ и я, и мнѣ присудили бѣжать лѣчиться на кумысъ, то мы и отправились

вслѣдъ одинъ за другимъ: князь 14-го, а я 20-го мая. Управление министерствомъ никому не было ввѣрено особо, а начальникамъ каждой отдѣльной части предоставлены права министерскія, по дѣламъ-же, требовавшимъ высочайшаго разрѣшенія, они обязаны были представлять генераль-адъютанту Адлербергу (тогда онъ не былъ еще графомъ) всеподданнѣйшія докладныя записки, а онъ докладывалъ ихъ государю.

Извѣстно, что лѣтомъ этого-же года (1845-го), ихъ величества, съ великою княжною Ольгою Николаевною, отправились въ Палермо. Въ Генуѣ и потомъ въ Неаполѣ видѣлись они съ княземъ Волконскимъ, но нашли его въ худшемъ положеніи. Изъ писемъ его ко мнѣ, которыя сталъ я получать по возвращеніи моемъ изъ отпуска, видѣлъ я, что страданія его не прекращаются. Однажды лейбъ-медикъ Раль, спросившій меня, какія имѣю я извѣстія о здоровьѣ князя, сказалъ:

„Какъ сильна его натура! Онъ еще борется съ болѣзнію, но она одолѣетъ; нѣтъ примѣровъ подобнаго излѣченія“.

Вообще полагали, что князь не воротится. Въ началѣ іюля слѣдующаго 1846 года онъ, однако-же, возвратился, но въ какомъ положеніи? Отъ Петергофской пристани принесли его во дворецъ, гдѣ, какъ сказано выше, занималъ онъ помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ, на рукахъ. Недѣли двѣ пролежалъ въ постелѣ, потомъ сталъ ѣздить на бойню брать животныя ванны, и съ успѣхомъ; въ сентябрѣ переѣхалъ въ Петербургъ, но въ должность не вступилъ, отлагая это до новаго года и надѣясь къ тому времени совершенно укрѣпиться въ силахъ. Государь навѣщалъ его ежедневно. Генералъ Адлербергъ продолжалъ докладывать по дѣламъ министерства. Однажды, когда онъ былъ у государя съ отчетомъ генераль-лейтенанта Лихардова о нѣкоторыхъ тамъ работахъ, его величество нашелъ расходъ непомѣрнымъ, очень прогнѣвался и приказалъ учредить изъ меня, графа Шувалова и Борцова, управлявшаго контролемъ министерства, комиссію для разсмотрѣнія дѣйствій и отчетовъ Лихардова. Когда Владиміръ Ѳедоровичъ объявилъ мнѣ объ этомъ, я, не любя такого рода дѣлъ, просилъ избавить меня отъ этой непріятной обязанности, тѣмъ болѣе, что мнѣ, директору канцеляріи, неприлично быть слѣдователемъ лица, подчиненнаго моему министру, безъ его вѣдома: „хорошо, сказалъ Адлербергъ, я

лучше сдѣлаю вотъ какъ: не объявляя еще высочайшаго повелѣнія, перескажу обо всемъ князю Петру Михайловичу. Въ тотъ-же день поѣхалъ онъ къ князю (Петру Михайловичу) и показалъ ему сдѣланныя государемъ, на счетахъ Лихардова, гнѣвные отмѣтки. Это огорчило министра, хорошо расположеннаго къ Лихардову.

— „Дай сюда эти бумаги, я самъ объяснюсь по нимъ съ государемъ“.

В. О. Адлербергъ, никакъ не ожидавшій, чтобы разговоръ принялъ такой оборотъ, тѣмъ менѣе могъ воспротивиться, и отдалъ бумаги. На другой день, это было 17-го декабря, князь надѣлъ мундиръ, взялъ портфель и отправился къ государю. Государь, зная, что онъ ранѣе перваго января не полагалъ выйти, очень удивился и обрадовался.

— „Ты совсѣмъ выздоровѣлъ? Какъ я радъ“.

„Да, ваше величество, я чувствую себя гораздо лучше; съ нынѣшняго дня рѣшился вступить въ должность и пришелъ къ вамъ съ докладомъ по нужному дѣлу“. Тутъ онъ выразилъ свое огорченіе, что въ то время, когда онъ находится на лицѣ, когда чрезъ нѣсколько дней намѣревался принять на себя исполненіе своихъ обязанностей, учреждается комиссія въ средѣ его министерства, надъ лицомъ ему подчиненнымъ, котораго дѣйствія ближе и прежде всего подлежатъ его разсмотрѣнію, что онъ самъ разберетъ ихъ, а комиссію просилъ отмѣнить. Государь не могъ не согласиться, и дѣло обошлось безъ непріятныхъ для Лихардова послѣдствій; однако, Николай Павловичъ долго еще былъ на него гнѣвенъ, да и княземъ остался не совсѣмъ доволенъ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ того сказалъ генералу Захаржевскому, увидавъ его о праздникѣ Рождества въ гостинной императрицы: „Лихардовъ ищетъ покровительства князя чрезъ Жеребцову. Когда осенью задавала она въ Петергофѣ праздники, Лихардовъ украшалъ домъ ея цвѣтами изъ дворцовыхъ сранжерей и снабжалъ ее дворцовою посудой. Я этого не люблю. Возьми свои мѣры, какъ ближайшій его начальникъ; но смотри, чтобы это никакъ не дошло до старика: надобно его поберечь“. Всѣмъ извѣстна была необыкновенная привязанность князя къ г-жѣ Жеребцовой, женщинѣ въ самомъ дѣлѣ увлекательной. Захаржевскій на другой-же день

пріѣхалъ ко мнѣ сообщить секретно о разговорѣ своемъ съ государемъ и посовѣтоваться, что тутъ дѣлать. Я также просилъ его дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы князь не узналъ о томъ, да и Лихардова строжайше къ тому обязать. Такъ и было поступлено.

Князь, однако-же, недолго оставался здоровымъ: въ январѣ мѣсяцѣ постигла его новая тяжкая болѣзнь, поясная рожа (зона). Она охватываетъ человѣка съ одной стороны талии, правильнымъ полукругомъ, и сопровождается жестокою, жгучею болью и бессонницею, оканчиваясь по большей части антоновымъ огнемъ. Нельзя было безъ состраданія смотрѣть на его мученія. Ревностный исполнитель своихъ обязанностей, онъ никакъ не хотѣлъ оставить своихъ занятій дѣлами; но часто, принимаясь за перо, не могъ подписать бумаги, и съ болѣзненнымъ стономъ падалъ на спинку дивана, меня-же не отпускалъ, а по облегченіи боли опять продолжалъ заниматься.

Государь попрежнему началъ ежедневно навѣщать его. Однажды онъ засталъ у него управляющаго контролемъ министерства, велѣлъ ему уйти и сказалъ, чтобы никто не беспокоилъ князя докладами. Поэтому министръ четыре дня не присылалъ за мною. На пятый стало ему лучше и онъ позвалъ меня. Только-что мы расположились въ альковѣ его спальни, заслоненномъ ширмами,—князь на диванчикѣ, предъ маленькимъ столикомъ, а я противъ его въ креслахъ, подлѣ самой кровати,—какъ вошедшій камердинеръ возвѣстилъ о государѣ. Больной засуетился: „брось, сказалъ онъ, бумаги-то на постель, а самъ выйди сюда“, причемъ показалъ на крайнюю половинку ширмъ. Но я тотчасъ смекнулъ, что бросить бумаги на темное одѣяло постели значитъ обратить на нихъ невольное вниманіе, выйти-же чрезъ ту половинку ширмъ, на которую указалъ князь и которая примыкала къ ближайшей отъ насъ колоннѣ алькова, не рѣшился, полагая, что она прибита къ полу, а пошелъ къ другой крайней половинкѣ ширмъ, чрезъ которую вошелъ прежде. Мнѣ казалось, что я успѣю предупредить государя, ибо камердинеръ увидѣлъ его только-что вступавшаго въ коридоръ, ведущій въ комнаты министра. Не тутъ-то было. Онъ встрѣтилъ меня у самаго выхода изъ алькова.

— „А, ты здѣсь! вскричалъ Николай Павловичъ грознымъ голосомъ. Развѣ тебѣ неизвѣстно мое повелѣніе?“

— Извѣстно ваше величество, но меня требовалъ къ себѣ его свѣтлость.

— „Однако-же мои повелѣнія, кажется, должны быть исполняемы? Слушай, Панаевъ, если въ другой разъ тебя застану здѣсь съ бумагами, посажу на гауптвахту“.

Тутъ онъ вступилъ въ альковъ, а я поскорѣе вонъ. Въ соседней комнатѣ, чрезъ которую ходили въ спальню, сидѣли тетка, сестра и дочь министра. Онѣ очень за меня перепугались и столпились у дверей, ожидая чѣмъ гроза кончится, а я, напротивъ, почитая себя совершенно правымъ, нисколько не былъ испуганъ словами государя. Послѣ этого министръ опять не присылалъ за мною нѣсколько дней; но потомъ, 28-го января, въ день рожденія Михаила Павловича, опять позвалъ меня. Ему сказали, что государь ѣдетъ обѣдать въ Павловскъ. Хотя это было зимою, но великому князю вздумалось тамъ праздновать свое рожденіе. Поэтому министръ полагалъ, что государь не успѣетъ уже сегодня навѣстить его. Но вышло напротивъ. Едва я началъ докладывать, какъ прибѣжалъ камердинеръ съ извѣстіемъ, что идетъ императоръ. Мы встрѣтились на томъ-же мѣстѣ.

— „А, ты опять здѣсь?“

— Что-же мнѣ дѣлать, ваше величество, когда министръ за мною присылаетъ.

— „Дѣлать то, что приказалъ я. Ну, послушай, Панаевъ, если я встрѣчу тебя въ третій разъ,—право, посажу на гауптвахту“.

Тутъ на лицѣ его, сначала суровомъ, мелькнула улыбка, на моемъ также, и я подобру-поздорову убрался въ канцелярію.

Читающей публикѣ извѣстно, что покойный Михайловскій-Данилевскій занимался составленіемъ біографій генераловъ, портреты которыхъ наполняютъ такъ называемую генеральскую галерею въ Зимнемъ Дворцѣ. Онъ просилъ меня написать ту часть біографіи князя Петра Михайловича, которая должна заключать въ себѣ службу его на поприщѣ гражданскомъ, что я съ удовольствіемъ и сдѣлалъ. Соединя мой текстъ со своимъ, онъ намѣревался уже приступить къ печатанію, какъ счелъ нужнымъ просить меня представить рукопись князю съ тѣмъ, не найдетъ-ли онъ какихъ погрѣшностей въ числахъ событій и въ именахъ упоминаемыхъ лицъ. Князь просмотрѣлъ рукопись, сдѣлалъ нѣкоторые поправки, и между прочимъ тамъ, гдѣ у меня

было сказано, что въ 1845 году пожаловано ему 400,000 руб. серебромъ, написано сверху: „которыя принялъ только по настоянію его величества“. Данилевскій всполошился, пріѣхалъ ко мнѣ, умолялъ убѣдить князя исключить эту вставку, потому что цензура ея не пропуститъ. Князь не согласился. Тогда Данилевскій пріѣхалъ къ нему съ этою просьбою самъ, но отъ имени уже военнаго министра, объясняя, что если князь действительно желаетъ оставить свою вставку, то онъ, князь Чернышевъ, не иначе можетъ разрѣшить встрѣченное цензурою затрудненіе, какъ съ доклада государю императору, представляя дѣло на его усмотрѣніе. „Пускай представитъ“, отвѣчалъ князь Петръ Михайловичъ. И что-же? Черезъ нѣсколько дней, военный министръ письменно увѣдомилъ князя Волконскаго, что онъ докладывалъ государю объ извѣстной вставкѣ и что его величество повелѣлъ оставить ее такъ, такъ она есть, потому что сказанное въ ней правда. Какая честь великодушію монарха и твердости подданнаго!

II.

Рѣшимость кн. П. М. Волконскаго оставить службу.

Князь Петръ Михайловичъ, видя съ прискорбіемъ, что многое дѣлается не такъ, какъ-бы, по его мнѣнію, слѣдовало, что расходы государственные растутъ непомѣрно, что въ кабинетѣ недостаетъ средствъ къ удовлетворенію щедротъ государя, что роскошь при дворѣ съ каждымъ годомъ усиливается, что строится безъ надобности много дорогихъ зданій, что, несмотря на мирное время, содержится огромная армія, а рекрутскіе наборы отягощаютъ народъ,—неоднократно говаривалъ мнѣ, особливо поспоривъ о чемъ-либо съ государемъ, что пойдетъ въ отставку. На это я всегда возражалъ ему, что если онъ любитъ государя и отечество, желаетъ имъ добра, то поэтому-то и не долженъ оставлять службы; что если теперь не хорошо, то тогда будетъ хуже: кто удержитъ государя отъ какого-либо недостаточно обдуманнаго предпріятія? Кто другой осмѣлится высказать ему столько правды? Кого другаго выслушаетъ онъ сознательно?

Нижеслѣдующія обстоятельства вынудили князя дѣйствительно проситься въ отставку.

Весною 1851 года государь погребоваль сокращенія штатовъ, учредилъ для сего, при государственномъ совѣтѣ, особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Гурьева, и, желая первый подать тому примѣръ, приказалъ упразднить гофъ-интендантскую контору, присоединить обязанности и дѣла ея, съ нѣкоторымъ числомъ чиновниковъ, къ придворной. Въ этой послѣдней конторѣ не было уже нѣсколько лѣтъ вице-президента, потому что президентъ ея, оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ, руководимый самовластіемъ, не хотѣлъ имѣть товарища, и ловкимъ образомъ успѣвалъ отклонять замѣщеніе этой вакансіи. Въ конторѣ гофъ-интендантской состоялъ тогда въ должности вице-президента сынъ министра двора, князь Дмитрій Петровичъ Волконскій, человекъ, правда, ничтожный, недоброжелательный, но заботливый, особливо о мелочахъ, и большой эконокъ. Впрочемъ, онъ тутъ былъ на своемъ мѣстѣ и даже полезенъ, входя во всѣ подробности строительныхъ расходовъ и слѣдя за архитекторами. Само собою разумѣется, что, по упраздненіи этой конторы, онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ дѣлами ея, быть перемѣщенъ, въ томъ-же званіи вице-президента, въ придворную, гдѣ вакансія эта какъ будто его дожидалась. Но если и прежде графъ Шуваловъ не хотѣлъ видѣть ее кѣмъ-либо замѣщенною, то тѣмъ менѣе теперь, сыномъ министра, противъ котораго постоянно интриговалъ и предъ которымъ умѣлъ ловко заслонять свои самоуправныя и преступныя дѣйствія. Видя подлѣ себя человека, входящаго во всѣ мелочи, ко всему придирающагося, который притомъ обо всемъ можетъ пересказывать отцу, графъ Шуваловъ употребилъ всю силу, всѣ искусства ума своего, пропитаннаго интригою, чтобы до этого не допустить. Можетъ быть, онъ даже полагалъ, что самъ министръ того желаетъ, болѣе за тѣмъ, чтобы въ сынѣ своемъ имѣть за нимъ соглядатая,—отнюдь нѣтъ, перемѣщеніе князя Дмитрія Волконскаго, какъ объяснено выше, слѣдовало само собою, безъ всякаго чьего-либо намѣренія, именно по одной случайности. Сверхъ того, князь-отецъ никогда не вмѣшивался въ служебныя обстоятельства сыновей своихъ, говори, что ему неприлично быть ихъ представителемъ. И если князь

Дмитрій попалъ прежде въ совѣтники гофъ-интендантской конторы, то это по представленію президента оной, оберъ-гофмейстера графа Кутайсова, потомъ въ вице-президенты, то это по ходатайству другаго президента, Ѳедора Петровича Опочинина, а если получилъ орденъ Станислава 1-й ст., то это по моему ходатайству. „Да какъ-же я пойду о немъ докладывать, о моемъ сынѣ?“, говорилъ князь, когда я объяснялъ ему, что князю Дмитрію пришелъ срокъ къ полученію этой награды. „Такъ, онъ вашъ сынъ, отвѣчалъ я,—но это вотъ здѣсь, въ вашемъ кабинетѣ, а когда онъ присутствуетъ въ конторѣ, занимаемая должность въ вашемъ министерствѣ, и служитъ усердно, тогда онъ вашъ подчиненный, какъ и всякій другой“.

Графъ Шуваловъ обратился къ главной своей покровительницѣ, фрейлинѣ Нелидовой, которой вліяніе на Николая Павловича было извѣстно, и потомъ ко всѣмъ тѣмъ, на чью помощь могъ рассчитывать. Князь министръ былъ изумленъ, когда, пришедъ къ государю съ докладомъ о перемѣщеніи сына въ придворную контору, вдругъ услышалъ слѣдующій неожиданный отвѣтъ:

— „Нѣтъ, князь, я придумалъ ему другую должность: возьми его въ вице-президенты къ себѣ, въ кабинетъ, тамъ также вакансія, а въ придворную контору поищемъ другаго“.

— Этого нельзя, ваше величество, возразилъ министръ, та должность важнѣе: мой сынъ молодъ еще для такой должности. Да и какъ мнѣ сидѣть за однимъ присутственнымъ столомъ съ сыномъ. Эго противно закону, а, между тѣмъ, та должность была-бы по немъ, и самая дѣла, съ которыми онъ перешелъ-бы туда, совершенно ему знакомы.

— „Почему-же кабинетская должность важнѣе, отвѣчалъ государь,—обѣ въ третьемъ классѣ, а кабинетъ—не судебное мѣсто, это моя собственность, моя комната, къ тому-же ты, а не другой кто тамъ начальникомъ; при твоёмъ безпристрастіи сыну можно засѣдать съ тобою. Нѣтъ, это ужъ рѣшено, поищи въ контору другаго“.

Министръ съ неудовольствіемъ передалъ мнѣ разговоръ свой съ государемъ, относя несогласіе его къ интригѣ, пущенной въ ходъ заблаговременно. На другое утро Шуваловъ поймалъ меня въ Дворцовой церкви (тогда былъ большой выходъ по

случаю тезоименитства императрицы Александры Θεодоровны) и съ видимою радостью объявилъ мнѣ, что князь Дмитрій Волконскій не будетъ у него вице-президентомъ, но что, къ новой для него непріятности, министръ думаетъ посадить тутъ Сабурова, котораго онъ, Шуваловъ, „также, да и никого другаго, не желалъ-бы, потому что обходился-же безъ вице-президентовъ, а если ужъ это надобно, то назначить-бы или князя Кочубея, или графа Ферзена“. Онъ именно выбралъ людей неспособныхъ къ дѣлу, безпечныхъ, которые-бы не стали ни во что вмѣшиваться и ни въ чемъ ему противорѣчить.

Въ этотъ день министръ возвратился отъ государя въ страшномъ волненіи: щеки его горѣли, лихорадка била. „Нѣтъ, не могу болѣе служить! сказалъ онъ мнѣ. Представьте, повтореніе вчерашняго: вмѣсто сына предлагаю Сабурова, а государь говоритъ: возьми Кочубея. Помилуйте, ваше величество, да онъ вовсе неспособенъ и очень недальняго ума, а Сабуровъ чловѣкъ дѣльный.

— Но, вѣдь, ты самъ, кажется, не хотѣлъ прежде Сабурова?

— „Какъ не хотѣлъ, когда я о немъ представляю?“

— По крайней мѣрѣ, это слышалъ отъ тебя Шуваловъ и Орловъ.

— „Никогда. Развѣ имъ послышалось, и если я что-нибудь говорилъ при нихъ о Сабуровѣ, то они, вѣрно, меня не поняли и переврали“.

Тутъ государь позвонилъ, вошелъ камердинеръ:

— Поди, сказалъ онъ, позови сюда графа Орлова и графа Шувалова; они завтракаютъ у императрицы.

— „А, такъ вы хотите вести меня на очную ставку, поставить меня на одну доску съ моимъ подчиненнымъ? Послѣ этого я не могу оставаться на службѣ“, произнесъ князь съ глубокимъ огорченіемъ, бросилъ портфель на столъ и вышелъ изъ кабинета.

Выслушавъ этотъ прискорбный для меня разсказъ, какъ ни старался я успокоить князя, онъ ничего не хотѣлъ слышать, горько жаловался на интриги, твердилъ, что непремѣнно подастъ въ отставку. Лихорадка продолжала еще бить его, когда я удалился.

23-го апрѣля въ Смольномъ монастырѣ бываетъ балъ, на который, кромѣ принца Ольденбургскаго, статсъ-секретаря Гоф-

мана и учителей, никто изъ постороннихъ мужчинъ не приглашается. Для меня, одноко-же, безъ всякаго съ моей стороны вызова, дѣлалось, по благосклонности начальницы, исключеніе. Тогда воспитывалась тамъ меньшая дочь моя и мнѣ пріятно было полюбоваться на нее въ танцахъ. Я поѣхалъ, но, ускользнувъ отъ ужина, въ 12 часовъ былъ уже дома. На письменномъ столѣ моемъ лежалъ пакетъ, съ адресомъ рукою министра на мое имя и съ надписями: въ собственныя руки, весьма нужное, по секрету. Распечатавъ, я нашелъ набросанный книземъ проектъ всеподданнѣйшей просьбы объ увольненіи отъ должности, и записку, которою онъ просить меня обработать этотъ проектъ и прислать сегодня-же. Такая рѣшимость князя смутила и глубоко опечалила меня; я долго не могъ приняться за работу, да и бесполезно было-бы торопиться. Посланный, думалъ я, вѣроятно, доложилъ министру, что меня не было дома, и онъ, стараясь всегда лечь прежде 12 часовъ, теперь уже въ постелѣ,—пошлю завтра пораньше, прежде чѣмъ онъ встанетъ. Такъ и сдѣлалъ, марая и перемарывая проектъ просьбы часа два. Черновой у меня сохранился. Да не останется онъ въ безызвѣстности, впишу его сюда:

„Все милостивѣйшій государь! Прослуживъ 57 лѣтъ, въ томъ числѣ 25 лѣтъ при лицѣ вашего императорскаго величества, съ чистымъ сердцемъ и, благодаря Бога, съ неукоризненною совѣстію, я во все продолженіе многолѣтней моей службы руководствовался однимъ чувствомъ — безпредѣльною преданностію къ моимъ государямъ и ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей. Воля вашего императорскаго величества всегда была для меня священнѣйшимъ закономъ, второю моею религіею. Чуждый всякаго лицепріятія, я слѣдовалъ ей неуклонно, смѣю сказать, съ самоотверженіемъ, и былъ столько счастливъ, что вы, все милостивѣйшій государь, постоянно удостоивали меня высочайшаго вашего благоволенія. Осыпанный милостями вашими, я былъ, наконецъ, возведенъ на высшую степень государственныхъ званій, мнѣ оставалось только усугубить послѣднія, при преклонныхъ лѣтахъ моихъ, силы, чтобы заслужить вполне эту великую монаршую милость и скончать остатокъ дней моихъ у подножія вашего престола. Но внезапный гнѣвъ вашего императорскаго величества, въ которомъ, къ жесто-

кому прискорбію, выразилась для меня и потеря довѣренности вашей, каковою столько лѣтъ имѣлъ я счастье пользоваться, глубоко потрясъ мою душу. Лишаясь этого драгоцѣннаго достоинства, со вредомъ для самой службы, я нахожусь вынужденнымъ всеподданнѣйше просить ваше императорское величество объ увольненіи меня отъ управленія высочайше ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ“.

На другое утро князь, переписавъ просьбу собственноручно, послалъ ее къ государю. Можно вообразить, какъ встревожила она и, конечно, тронула Николая Павловича. Онъ немедленно пришелъ къ нему.

— „Какъ?! вскричалъ онъ, тебѣ въ отставку! Нѣтъ, одна только смерть можетъ разлучить насъ! И съ чего ты взялъ, что лишился моей довѣренности?“

— Но вы не повѣрили мнѣ и хотѣли поставить на одну доску съ Шуваловымъ.

— „Напротивъ, я хотѣлъ лично удостовѣриться, то-ли они говорили. А тебя, ты знаешь, какъ я цѣню! Ну, не сердись на меня, помиримся“.

Тутъ онъ обнялъ князя, нѣсколько разъ поцѣловалъ, и, вынувъ изъ кармана просьбу, изорвалъ ее въ клочки.

Много проявлялось въ дѣйствіяхъ Николая Павловича примѣровъ великодушія. Онъ олицетворялъ въ себѣ идею монарха.

III.

Памятникъ императору Александру I-му.

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, сенаторъ, генералъ-лейтенантъ Кушелевъ, въ засѣданіи общаго сената собранія, исчисляя дѣянія въ Бозѣ почившаго императора Александра Павловича, возвеличившаго Россію и упрочившаго ея благоденствіе, предложилъ испросить высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки по всему государству для сооруженія ему памятника. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія государя Николая Павловича, его величество приказалъ объявить Кушелеву, что онъ взялся не за

свое дѣло; что памятникъ покойному императору будетъ воздвигнутъ, но отъ правительства, подъ особеннымъ личнымъ его, царствующаго государя, попеченіемъ. Вслѣдствіе этого повелѣно было пріискать въ Финляндіи такой кусокъ гранита, чтобы выдѣленная изъ него колонна превосходила величиною всѣ доселѣ извѣстные монументы и памятники. Колонну положено было поставить посреди Дворцовой площади, съ изображеніемъ на верху ангела, указывающаго одною рукою на небо, какъ свидѣтельство, что Благословенный монархъ всѣ успѣхи гигантской борьбы своей съ Наполеономъ воздалъ единому Богу. Исполненіе поручено архитектору Монферану.

По счастью, желаемый огромный кусокъ гранита былъ скоро найденъ, но великаго труда и много времени требовалось отдѣлить его отъ скалы, дать ему форму колонны, нагрузить на судно особаго устройства, доставить въ Петербургъ и выкагить на берегъ Зимняго дворца, гдѣ потомъ онъ былъ и полированъ.

Въ 1833 году послѣдовала постановка на изготовленный заблаговременно пьедесталь этой огромной колонны, вышиною въ двадцать шесть сажень, толщиною болѣе сажени. Въ первообразномъ своемъ видѣ камень имѣлъ двадцать восемь сажень, но Монферанъ, по своимъ соображеніямъ, счелъ нужнымъ укоротить его на двѣ сажени. Многіе объ этомъ сожалѣли, обвиняя архитектора въ зависти къ дивному произведенію природы и вспоминая при этомъ случаѣ о поступкѣ Фальконета, уменьшившаго по тому-же побужденію камень, на которомъ красуется знаменитое его произведеніе, превосходная конная статуя Петра Великаго. Но если это допущено комиссіею и государемъ, стало быть причина была уважительная. Постановка на мѣсто колонны увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, хотя въ томъ и сомнѣвались. Для этого отъ середины Дворцовой площади до берега Невы устроена была изъ досокъ на безчисленныхъ подставкахъ и ¹⁾ широкая наклонная плоскость, по которой вкатили ее на обширный помостъ, охватывавшій пьедесталь со всѣхъ сторонъ на большое пространство, и потомъ уже, посредствомъ воротовъ и блоковъ, стали медленно подымать колонну. На этомъ-же помостѣ устроены были галереи для

¹⁾ Въ рукописи пропускъ.

двора и другихъ почетныхъ зрителей; я также тутъ находился. Члены комиссіи, въ томъ числѣ председатель графъ Литта, мужчина колоссальнаго роста, и гофмейстеръ Опочининъ, маленькій приземистый человѣкъ, стояли впереди всѣхъ. Колонна была почти уже поставлена на мѣсто, какъ что-то вдругъ затрещало и она слегка пошатнулась. Общее содроганіе пробѣжало по толпѣ зрителей, слѣдившихъ за каждымъ движеніемъ ея вверхъ, но оно вскорѣ замѣнилось смѣхомъ: Опочининъ упалъ отъ ужаса въ обморокъ, а графъ Литта невольно протянулъ впередъ правую руку, какъ бы готовясь поддержать колонну, если-бы она упала.

Механизмъ, употребленный Монфераномъ для поднятія громады, вѣсъ которой простирался до пятидесяти тысячъ пудъ, заслужилъ не только общее одобреніе, но удивленіе. Впослѣдствіи одинъ любитель механики показывалъ мнѣ старинную итальянскую книгу, *in folio*, съ чертежами, гдѣ, между прочимъ, изображенъ былъ точно такой-же способъ поднятія подобной громадной тяжести. Выходило, что хваляемый механизмъ придуманъ не Монфераномъ, и, однако-же, ему-же поручено было потомъ поднятіе, тѣмъ-же самымъ способомъ, извѣстнаго московскаго колокола, за пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, тогда какъ русскій механикъ Лебедевъ просилъ за эту работу только шесть тысячъ. Новое подтвержденіе, что на родинѣ пророка не бываетъ и что извѣстность, предшествующая человѣку, великое дѣло.

Открытіе памятника, совершившееся въ слѣдующемъ 1834 году, 30-августа, представляло зрѣлище необыкновенно великолѣпное. Наканунѣ была гроза и цѣлый вечеръ шелъ дождь. Всѣ невольно пріуныли, опасаясь, чтобы онъ не повторился на завтра и не заставилъ-бы отложить церемоніи, такъ кстати назначенной въ день тезоименитства Благословеннаго. Но солнце, благопріятствовавшее ему при жизни, всегда разгонявшее тучи въ сомнительные дни большихъ парадовъ, не забыло его и по смерти; сѣренькое сначала утро 30-го августа превратилось въ самое ясное. Мы съ женою смотрѣли изъ окна втораго этажа Зимняго дворца, ближайшаго къ временно устроенному подъ средними окнами (для императорской фамиліи, двора и духовенства) широкому балкону, съ двумя спусками на площадь. Галлерей

въ видѣ амфитеатра, наполненныя зрителями, болѣе дамами, въ разноцвѣтныхъ нарядахъ, опоясывали противоположное зданіе главнаго штаба; вправо, отъ начала бульвара, а можетъ быть и далѣе, стояло въ густой колоннѣ сто тысячъ войска.

Три момента этой достопамятной церемоніи были въ особенности эффектны. Это—когда государь императоръ, наслѣдникъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, три фельдмаршала (князь Витгенштейнъ, князь Сакенъ, князь Варшавскій) и сто тысячъ воиновъ преклонили колѣна, при пѣніи со святыми упокой; когда духовенство, императрица и великія княжны, сопровождаемыя всѣмъ дворомъ, съ балкона шли блестящею вереницею по красному сукну къ памятнику, и, когда, наконецъ, государь, ведя за собою эту густую массу войскъ и приблизясь къ рѣшеткѣ памятника, обнялъ, стоявшаго внутри ея на конѣ, князя Петра Михайловича (Волконскаго) Мѣсто это вовсе продолженіе церемоніи назначено ему было какъ ближайшему сподвижнику почившаго монарха.

За нѣсколько дней до открытія памятника, министръ объявилъ мнѣ приказаніе государя заготовить рескриптъ на имя его—князя Волконскаго, о назначеніи отъ роты дворцовыхъ гренадеръ почетнаго караула къ памятнику. Приказаніе исполнено: рескриптъ, подписанный его величествомъ и помѣченный 30-мъ числомъ августа, переданъ мнѣ для храненія до означеннаго времени. Когда-жъ, по возвращеніи князя съ церемоніи, я пришелъ поздравить его съ пожалованнымъ ему въ этотъ день титуломъ свѣтлости, онъ вручилъ мнѣ состоявшійся, по этому случаю, высочайшій собственноручный указъ на его имя, съ тѣмъ, чтобы тотъ и другой были отправлены къ министру юстиціи для предложенія сенату. Сердечно радуясь возвышенію моего министра, столь справедливо имъ заслуженному, я съ жадностію развернулъ указъ, но не мало удивился, найдя начало его почти одинаковымъ съ началомъ мною писаннаго рескрипта (можетъ быть первыя строки моего рескрипта понравились государю, усвоились въ его памяти и невольно излились съ пера его). Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе князя и объяснилъ, что, напечатанные вмѣстѣ, они замѣтнѣе выкажутъ тогда свое сходство, что лучше сегодня послать собственноручный, какъ важнѣйшій, а дня черезъ четыре другой. Такъ и было сдѣлано.

Странное неудовольствіе Николая Павловича на сенатора Кушелева можетъ быть объяснено развѣ нѣкотораго рода ревностію. Государю, столько чтившему покойнаго брата своего и благодѣтеля, непріятно было, что другой предвосхитилъ задушевную мысль его, а однако-же надписью на памятникѣ императору Александру Благословенному: „Благодарная Россія“—онъ какъ-бы оправдалъ Кушелева.

ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА

род. 1792 г., † 1859 г. ¹⁾.

Возобновленіе обѣта императора Александра I

соорудить въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя.

Извѣстно, что императоръ Александръ Павловичъ, въ концѣ 1812 года, видя чудесно исполвшимся обѣтъ свой торжественно предъ лицомъ народа произнесенный, не полагать оружія, доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется на землѣ русской—далѣ въ Вильнѣ, 25-го декабря, священный обѣтъ соорудить въ Москвѣ, въ память избавленія Россіи отъ нашествія враговъ, храмъ Христу Спасителю, явно покровительствовавшему оружію защитниковъ отечества. Извѣстно также, что изъ числа многихъ проектовъ на сооруженіе сего храма, составленныхъ у насъ и за границею, предпочтенъ былъ проектъ молодого художника Витберга. Художникъ этотъ, не будучи собственно архитекторомъ, а болѣе хорошимъ рисовальщикомъ и чертежникомъ, лучше другихъ понялъ благочестивую, высокую мысль государя, составилъ проектъ огромнаго, монументальнаго зданія, долженствовавшаго быть воздвигнутымъ на Воробьевыхъ горахъ, съ такимъ притомъ внутреннимъ расположеніемъ, чтобы оно, начинаясь съ самой подошвы горы и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., томъ LXXI, ноябрь, стр. 275—293.

постепенно возвышаясь ярусами, каждымъ изъ оныхъ выражало одну изъ важнѣйшихъ эпохъ земной жизни Искупителя, отъ рождества Его до воскресенья. Пятьдесятъ лѣтъ времени назначалось на возведеніе этого огромнаго зданія, а чтобы въ теченіе столькихъ лѣтъ естественное измѣненіе цѣнности матеріаловъ не увеличило чрезмѣрно расходовъ, положено купить, не въ дальнемъ отъ Москвы разстояніи, десять тысячъ душъ такихъ имѣній, въ дачахъ коихъ находились-бы всѣ нужные матеріалы: глина, песокъ, известь, мраморъ, лѣсъ, а крестьяне, вмѣсто оброка, употреблялись-бы на доставку оныхъ и другія по храму работы. Для наблюденія за этою громадною постройкою учреждена особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ московскаго генераль-губернатора. Геніальный, восторженный Витбергъ такъ понравился императору Александру Павловичу, что онъ допускалъ его къ себѣ съ докладами, когда тотъ пріѣзжалъ изъ Москвы, во всякое время дня, и лично ему поручилъ покупку означенныхъ имѣній. Это возбудило зависть въ чиновникахъ комиссіи, отразившуюся и на членахъ. Къ тому-же, графъ Аракчеевъ не одобрялъ ни проекта, ни мѣста, избраннаго для построенія. Карамзинъ, съ своей стороны, въ запискѣ, представленной имъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, когда она отправлялась для обозрѣнія Москвы, согласно съ мнѣніемъ многихъ московскихъ жителей, находилъ, что храмъ будетъ слишкомъ отдаленъ отъ города и сдѣлается, особливо въ зимнее время, пустыннымъ. Наконецъ, собственная неосторожность Витберга, при разныхъ случаяхъ и сношеніяхъ съ членами комиссіи, забывшагося отъ необыкновенныхъ милостей государя, пожаловавшаго ему, между прочимъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника, орденъ Владиміра 3-й степени,—все вмѣстѣ произвело то, что недоброжелатели Витберга явно возстали на него по прибытіи Николая Павловича въ Москву для коронованія. Посыпались клеветы и отчасти дѣльныя жалобы на его самоуправство, усилились порицанія мѣстности и самаго грунта земли, который, говорятъ, дѣйствительно оказался неспособнымъ для приведенія проекта въ исполненіе. Кончилось тѣмъ, что Витбергъ исключенъ изъ службы и сосланъ на жительство въ Вятку, а начатія на Воробьевыхъ горахъ работы оставлены.

Въ 1832 году императоръ Николай Павловичъ рѣшился

исполнить обѣтъ блаженной памяти своего брата — соорудить храмъ Христу Спасителю, но не тамъ уже, гдѣ былъ онъ заложенъ, а посреди Москвы, на мѣстѣ довольно видномъ, гдѣ стоялъ Алексѣевскій женскій монастырь, перенесенный поэтому на Измайловскій островъ. Для торжественнаго выраженія своей воли, онъ самъ написалъ проектъ рескрипта на имя московскаго генераль-губернатора, князя Голицына, и приказалъ министру двора передать его мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я, не стѣсняясь набросанною имъ редакціею, а держась только смысла, передѣлалъ проектъ какъ считаю за лучшее. Это былъ первый замѣчательный актъ, имѣвшій историческое достоинство, который написалъ я по вступленіи моемъ въ должность. Мысли и чувства, вылившіяся изъ-подъ пера государя, были хороши, но имѣли мало связи и послѣдовательности, такъ что то, что у него сказано было въ концѣ, надобно было отнести почти къ началу. Хотя мнѣ предоставлено было полное право передѣлки, но я долго бился надъ этою бумагою, опасаясь оскорбить самолюбіе августѣйшаго редактора слишкомъ большимъ измѣненіемъ, видя-же, наконецъ, что иначе нельзя, что собственное достоинство его и важность предмета требуютъ инаго изложенія, написалъ по-своему. Рескриптъ мой понравился государю и былъ имъ подписанъ. Вотъ онъ:

„Князь Дмитрій Владиміровичъ.

„Блаженной памяти императоръ Александръ I-й, побуждаемый чувствомъ благоговѣнія и благодарности къ Промыслу Божію, избавившему Россію отъ нашествія иноплеменниковъ, манифестомъ 25-го декабря 1812 года повелѣлъ соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя,—памятникъ, достойный великихъ событій того времени и сердца благочестиваго государя.

„Въ 1817 году храмъ сей былъ заложенъ на Воробьевыхъ горахъ; но непреодолимая препятствія, коихъ невозможно было тогда предвидѣть и въ которыхъ лично мы удостовѣрились, остановили предпріятіе; надлежало избрать другое, болѣе удобное и приличнѣйшее, мѣсто,—таковымъ признано нами занимаемое нынѣ Алексѣевскимъ Дѣвичьимъ монастыремъ, какъ находящееся среди самаго города и положеніемъ своимъ подобное первому мѣсту

„Утвердивъ нынѣ проектъ сооруженія сего храма, при семъ препровождаемый, и приступая тѣмъ образомъ къ исполненію всегда священной для насъ воли въ Бозѣ почивающаго государя и брата нашего, намъ пріятно поручить вамъ возвѣстить любезно-вѣрнымъ жителямъ первопрестольной столицы нашей, что объѣтъ, произнесенный имъ въ незабвенный день спасенія Россіи, будетъ, при помощи Божіей, совершенъ нами. Въмѣстѣ съ симъ вы не замедлите представить намъ предварительныя соображенія для приступленія къ работамъ и войти въ надлежащее сношеніе съ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ па основаніи особаго указа, даннаго въ сей-же день святѣйшему правительствующему синоду. Пребываю вамъ всегда благосклонный“.

Въ С.-Петербурѣ,
10-го апрѣля 1832 года.

Въ дополненіе къ біографіи Витберга, расскажу здѣсь случай, по которому Александръ Павловичъ получилъ къ нему нѣкоторое охлажденіе и который, безъ сомнѣнія, выставленъ былъ въ числѣ причинъ къ его обвиненію при Николаѣ Павловичѣ.

Витбергъ, можно сказать, выросъ въ домѣ московскаго сенатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рунича; самый проектъ сооруженія храма сочинилъ онъ живучи, въ 1816 году, въ небольшомъ домикѣ его сада; Руничъ-же препроводилъ этотъ проектъ къ князю Александру Николаевичу Голицыну, для представленія государю, положивъ тѣмъ основаніе извѣстности молодого художника и его счастію. Когда Витбергъ окончилъ возложенное на него порученіе купить десять тысячъ душъ, издержавъ на это, вмѣсто отпущенныхъ ему десяти милліоновъ ассигнаціями, только восемь съ половиною и радуясь, что сберегъ государю такую важную сумму,—дѣля Рунича, обремененнаго долгомъ, находились въ самомъ критическомъ положеніи. Онъ приступилъ къ Витбергу съ убѣдительною просьбою купить на эту остаточную сумму его, Руничево, имѣніе, около полутора тысячъ душъ. Какъ ни отговаривался Витбергъ, какъ ни доказывалъ, что это имѣніе лишено качествъ, потребныхъ для пріобрѣтенія его наравнѣ съ прочими, что это составило-бы напрасное, бросающееся въ глаза, излишество, но, наконецъ, долженъ былъ уступить чувству благодарности за прежнія

милости старика, его настояніемъ, его слезами. Объ этомъ заговорили и, конечно, громче всѣхъ завистники счастливаго художника. Дошло до Аракчеева, дошло до государя. Александръ Павловичъ молчалъ, въ ожиданіи отчета о покупкѣ имѣній. Спустя нѣкоторое время, Витбергъ пріѣхалъ въ Петербургъ для личнаго доклада нѣкоторыхъ дѣлъ по сооружеію храма и представленія отчета. Взглядъ государя, далеко не такъ благосклонный, какъ въ прежніе разы, смутилъ его при самомъ вступленіи въ кабинетъ и, прежде чѣмъ представилъ нѣкоторые чертежи и бумаги и успѣлъ онъ поднести отчетъ свой о покупкѣ имѣній, государь, съ видомъ неудовольствія, спросилъ его:

— „Я слышалъ, что вы разсыпаете ваши щедроты?“

Витбергъ тотчасъ почувствовалъ куда клонится этотъ вопросъ, и, бросаясь къ ногамъ государя, отвѣчалъ:

— Я виноватъ, ваше величество. Я готовился представить вамъ значительную сумму, оставшуюся отъ покупки, но неотступныя просьбы сенатора Рунича, моего прежняго благодѣтеля, его жалкое положеніе и моя признательность увлекли меня.

— „Вы поступили, произнесъ государь, хотя самоуправно, но благородно, а Руничъ очень дурно; онъ главный виновникъ въ этомъ дѣлѣ; я знаю, что вы долго противились“.

Какъ-бы то ни было, только послѣ этого случая государь уже ни оказывалъ Витбергу такого, какъ прежде, исключительнаго вниманія и приказалъ ему, въ отсутствіе свое изъ Петербурга, являться съ докладомъ уже не къ князю Н. Голицыну, а къ графу Аракчееву. Все это передано мнѣ самимъ Витбергомъ.

Поступокъ Рунича не прошелъ, однако, ему даромъ. Въ 1824 году, во время послѣдняго посѣщенія своего первопрестольной столицы, Александръ Павловичъ провелъ тамъ и день своего тезоименитства, приказавъ къ парадному обѣденному столу пригласить всѣхъ, пребывающихъ въ Москвѣ, Александровскихъ кавалеровъ и губернскаго предводителя дворянства со всѣми уѣздными предводителями. Находившійся тогда при его величествѣ генераль-адъютантъ Дибичъ, заступившій мѣсто князя Волконскаго въ званіи начальника Главнаго штаба, поручилъ церемоніймейстеру Гедеонову (впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и директоръ императорскихъ театровъ) составить списокъ приглашаемыхъ, и по изготовленіи представилъ его на

усмотрѣніе государя. Императоръ вымаралъ сенатора Рунича и одного изъ предводителей. Геденовъ, удивленный такою неожиданностію, счелъ долгомъ объяснить Дибичу, для доклада государю, что слухъ о приглашеніи всѣхъ Александровскихъ кавалеровъ и всѣхъ предводителей разнесся уже по Москвѣ и что двое исключенныхъ будутъ жестоко поражены такою опалою. Дибичъ опять пошелъ со спискомъ къ государю, но Александръ Павловичъ, пощадивъ исключеннаго предводителя, никакъ не согласился оказать той-же милости Руничу (исторія Витберга была слишкомъ еще свѣжа). Нечего было дѣлать. Геденовъ, за два дня до праздника, началъ разсылать приглашенія. На другой день, 29-го августа, сынъ Рунича, московскій почтъ-директоръ, пріѣзжаетъ къ Геденову, съ выраженіемъ неудовольствія отца своего, что всѣ товарищи его получили приглашенія, а онъ еще нѣтъ. Геденовъ представляется удивленнымъ и разсерженнымъ на неисправность повѣсточнаго, который, отъ усталости, заѣхалъ, вѣроятно, въ трактиръ, но что вечеромъ конечно доставитъ приглашеніе. Утромъ, 30-го августа, тотъ-же сынъ Рунича вновь является къ Геденову съ сугубою претензіею отца. Геденовъ опять прикидывается и удивленнымъ и раздраженнымъ; говоритъ, что строго накажетъ виноватаго, что теперь некогда, да и не кого посылать нарочно, всѣ служителя заняты приготовленіями къ столу, но что Руничъ-отецъ, какъ Александровскій кавалеръ, можетъ прямо, въ извѣстное время, пріѣхать къ обѣду. Всякій, конечно, удивится такому отзыву, такой дерзкой рѣшимости Геденова; но умыселъ другой тутъ былъ. Желая, по добротѣ своей, избавить старика Рунича отъ тяжкаго оскорбленія и не дать ему повода роптать на государя, онъ наканунѣ еще придумалъ вотъ что. За часъ до обѣда, призываетъ къ себѣ одного изъ старшихъ камеръ-лакеевъ.

— „Знаешь ты, спрашиваетъ, сенатора Рунича?“

— Какъ не знать, ваше превосходительство, они такіе изъ себя смуглые, чернобровые (дѣйствительно, широкіе черные брови Рунича были очень замѣтны).

— „Ну, такъ возьми съ собою кого-нибудь изъ истопниковъ, самаго бойкаго, дай ему въ руки чернильницу и станьте оба на верху парадной лѣстницы. Какъ скоро сенаторъ Руничъ появится внизу, вели истопнику бѣжать опрометью внизъ, наткнуться будто нечаянно на сенатора и выплеснуть на бѣлые

панталоны его чернильницу, а какъ это сдѣлается, тотчасъ доложи мнѣ, я буду тутъ недалеко, въ залѣ“.

Выпуча глаза, смотрѣлъ камеръ-лакей на Гедеонова, слушая такое необыкновенное приказаніе; но слова распорядителя праздника, ближайшаго помощника главнаго начальника, извѣстнаго князя Николая Борисовича Юсупова: „это такъ нужно, понимаешь“,—произвели свое дѣйствіе: все было исполнено какъ нельзя лучше. Извѣщенный объ успѣхѣ смѣлой выдумки своей, Гедеоновъ сбѣжалъ къ Руничу, находившемуся въ отчаянномъ положеніи, и совѣтовалъ скорѣе ѣхать домой переодѣться; но двадцать минутъ времени, остававшихся до выхода государя, не представляли никакой къ тому возможности; просилъ зайти къ нему (онъ жилъ во дворцѣ) надѣть его запасные панталоны; но Руничъ рѣшилъ, что они будутъ ему не въ пору. „Нѣтъ, сказалъ онъ, наконецъ, это ужъ видно мое несчастье“—и уѣхалъ домой. Такъ рассказывалъ мнѣ эту исторію А. М. Гедеонов¹⁾.

Въ 1837 г., когда государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ, путешествуя по Россіи, посѣтилъ Вятку, бывший съ нимъ Жуковский представилъ ему Витберга и просилъ исходатайствовать у императора помилованіе челоуѣку, наказанному не за какую-либо важную, дознанную вину, а за неблагоразумные, опрометчивые свои поступки, и уже десять лѣтъ страдающему въ изгнаніи. Наслѣдникъ исполнилъ просьбу достойнаго своего наставника. Витбергъ былъ возвращенъ въ Петербургъ, но очутился тамъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, при большемъ семействѣ. Тогда онъ обратился ко мнѣ (до тѣхъ поръ я не зналъ его), подробно рассказалъ мнѣ о прежнихъ и настоящихъ своихъ обстоятельствахъ. Я взялся быть его ходатаемъ у князя Петра Михайловича, и ему повелѣно было производить изъ кабинета, въ видѣ ежегоднаго пособія, по полторы тысячи рублей, т. е. половину той пенсіи, которую получалъ онъ находясь на службѣ.

28-го іюля 1859 г.

Эсентукъ.

¹⁾ Въ „Театральныхъ воспоминаніяхъ Н. И. Куликова“, „Русск. Старина“, авг. 1892, стр. 460, этотъ рассказъ ошибочно отнесенъ къ царствованію имп. Николая и какой-то неизвѣстный генералъ играетъ роль сенатора Рунича. Конечно, за рассказомъ В. И. Панаева слѣдуетъ признать большую историческую достовѣрность.

Ред.

**Совершеннолѣтіе наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и
замѣчательный разговоръ съ Сперанскимъ.**

17-го апрѣля 1834 года исполнилось наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу 16 лѣтъ. Такимъ образомъ, по смыслу основныхъ законовъ имперіи, достигъ онъ совершеннолѣтія и долженъ былъ торжественно принести присягу на служеніе государю и государству. День 17-го апрѣля случился тогда на страстной недѣлѣ, и потому празднованіе совершеннолѣтія отложено было до Свѣтлаго Христова Воскресенія. Посреди заблаговременно начатыхъ приготовленій оказалось, что въ законахъ нѣтъ текста присяги. Поручено составить его Сперанскому, равно какъ и написать манифестъ по сему случаю; я же нѣсколько разъ былъ посыланъ къ нему для объясненій по этому предмету. Въ одно изъ такихъ моихъ посѣщеній онъ неожиданно спросилъ меня:

— „Скажите, пожалуйста, что я получу въ предстоящее торжество?

Захваченный врасплохъ такимъ вопросомъ, на который не вправѣ былъ отвѣчать, хотя зналъ въ чемъ состояла назначенная ему награда, а при томъ удивленный малодушнымъ его любопытствомъ, я съ минуту медлилъ отвѣтомъ. Примѣтивъ мое колебаніе, онъ продолжалъ:

— „Я самъ былъ директоромъ, знаю, что такія вещи не говорятся; но вѣдь это останется между нами“.

— Вы получите, отвѣчалъ я, табакерку съ портретами ихъ императорскихъ величествъ.

На лицѣ его мелькнула тѣнь неудовольствія.

— „Довольно уже пожаловано мнѣ этихъ табакерокъ и покойнымъ и нынѣшнимъ государемъ“.

— Но вы первый получите ее съ двумя портретами, это небывалая еще награда, возразилъ я, и желая дать разговору другое, болѣе пріятное для него направленіе, продолжалъ:

— Да, вы были въ близкихъ сношеніяхъ съ обоими императорами, и, конечно, хорошо ихъ знаете: скажите мнѣ ваше о нихъ мнѣніе.

— „Если-бы, отвѣчалъ Сперанскій, возможно было слить ихъ въ одного человѣка, то вышелъ-бы такой государь, какого исторія едва-ли могла-бы намъ представить“.

Пользуясь минутною его откровенностью, я рѣшился предложить ему другой вопросъ.

— Извините, началъ я, что такъ далеко простираю мое любопытство и коснусь предмета, для васъ прискорбнаго, но онъ имѣетъ большую историческую важность, и потому позвольте спросить: узнаётъ-ли потомство причины внезапной опалы вашей въ 1812 году?

— „Узнаётъ“.

— Не смѣю огорчать и утруждать васъ подробностями, но просилъ-бы, по крайней мѣрѣ, поставить меня на такую точку, съ которой, хотя мелькомъ, могъ-бы взглянуть на это событіе: двухъ, трехъ словъ будетъ для меня довольно.

— „Ну, на это скажу вамъ только то, что когда я отъ него (государя) вышелъ—на моихъ щекахъ были его слезы“.

Соображая этотъ знаменательный и такъ поэтически выраженный отвѣтъ, которымъ Сперанскій хотѣлъ кратко дать мнѣ понятіе о послѣднемъ свиданіи своемъ съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, соображая оный съ настояніями, какъ слышно было, великой княгини Екатерины Павловны, недовѣрявшей Сперанскому, а равно съ безымяннымъ, ни кѣмъ не подписаннымъ, адресомъ Москвы, не задолго предъ тѣмъ государемъ полученнымъ, въ которомъ Первопрестольная столица, вмѣщавшая тогда въ себѣ людей съ вѣсомъ и съ голосомъ, порицала его политику, осуждала выборъ окружавшихъ его лицъ и грозно требовала ихъ удаленія, въ особенности Сперанскаго, обвиняя послѣдняго въ ненависти къ дворянству и приверженности къ Наполеону,—соображая все это, нельзя, кажется, не убѣдиться, что государственный этотъ человѣкъ былъ вынужденною жертвою тогдашнихъ трудныхъ политическихъ обстоятельствъ. Но, съ другой стороны, ежели это такъ, то для чего же было ему, когда, по занятіи французами Москвы, перевезли его изъ Нижняго Новгорода въ Пермь, писать къ государю, который

разставаясь съ нимъ, плакалъ, извѣстное оправдательное письмо? Значить, онъ не зналъ всѣхъ причинъ, содѣйствовавшихъ его удаленію, значить государь не сообщилъ ему, что весьма вѣроятно, оскорбительнаго московскаго адреса, ограничившись, быть можетъ, только общимъ указаніемъ на возставшій противъ него ропотъ дворянства и нѣкоторыхъ вельможъ. Надобно думать, что перемѣщеніе въ Пермь, изъ города, въ четырехъ стахъ верстахъ отъ Москвы отстоящаго, Сперанскій принялъ уже за явный гнѣвъ его государя, подозрѣвающаго его въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, и потому удаляющаго его отъ театра войны. Такая мысль, при извѣстной ему скрытности Александра Павловича, сказавшаго ему на прощаньи, какъ видно, весьма не многое, могла побудить его обозрѣть внимательно служебное его поприще, найти въ немъ нѣкоторыя свои ошибки, промахи и откровенно въ нихъ сознаться, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на личныхъ враговъ своихъ, а между тѣмъ эта высылка изъ Нижняго была, безъ сомнѣнія, продолженіемъ мистификаціи, которою государь хотѣлъ успокоить общественное мнѣніе, показать, что если не вполне, то въ достаточной степени вѣрить онъ подозрѣніямъ, взведеннымъ молвою на Сперанскаго. Иначе, если-бы онъ дѣйствительно имъ вѣрилъ и находилъ его виновнымъ, то не высылка изъ столицы, а строгій гласный судъ былъ-бы его участію, и не Нижній или Пермь, а какой-нибудь Березовъ—его заточеніемъ. Назначеніе Сперанскаго, спустя четыре года, пензенскимъ губернаторомъ и вскорѣ потомъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, служитъ новымъ подтвержденіемъ, что въ 1812 году онъ былъ политическою жертвою, можетъ быть не совсѣмъ безвинною, потому что государь до конца своей жизни не удостоивалъ уже его прежняго съ собою сближенія. Вѣроятно, льстивыя рѣчи Коленкура, Лористона, вызвали его, по суетности, на какую-нибудь излишнюю о дѣлахъ государственныхъ откровенность, на какую-нибудь нескромность.

Я имѣю списокъ съ упомянутаго выше московскаго адреса; онъ полученъ мною отъ покойнаго сенатора Сухарева, а ему достался по наслѣдству, въ числѣ секретныхъ бумагъ брата его, любившаго собирать и хранить акты подобнаго рода. Ни прежде, ни послѣ этого, никогда не случалось мнѣ слышать о существованіи этого адреса, но судя по духу тогдашняго времени, по

общему ропоту на государя за Тильзитскій миръ, за Эрфуртское свиданіе съ Наполеономъ, за указы 1806 — 1809 гг., по неудовольствію на высшія правительственныя лица, которыхъ брюзгливые старины считали неспособными и неблагонадежными и, наконецъ, по гнѣздившемуся издавна въ Москвѣ свободомыслію, существованіе адреса весьма возможно. Ничего не было мудренаго отправить по почтѣ на имя государя безымянную бумагу, расписавшись въ подачѣ какимъ-нибудь небывалымъ именемъ. Весьма также вѣроятно, что государь, получивъ ее, тотчасъ-же уничтожилъ безъ изслѣдованія, чтобы предотвратить всякую гласность; братъ-же Сухарева, какъ страстный охотникъ до секретныхъ бумагъ, могъ впоследствии достать какъ-нибудь копію изъ Москвы, и, конечно, по кончинѣ уже Александра Павловича.

Напрасно горячились такъ блаженной памяти московскіе патриоты, хотя побуждались къ тому намѣреніемъ добрымъ, благороднымъ, достойнымъ русскаго чувства: они не знали ни государя, ни окружавшихъ его лицъ. Государь лучше всѣхъ видѣлъ униженное положеніе Россіи, въ которое поставлена она была неудачею войнъ 1805 и 1807 гг., скорбѣлъ о томъ, конечно, не менѣе всякаго, но долженъ былъ до времени покоряться обстоятельствамъ, и всячески таялъ мысль объ отмщеніи, чтобы тѣмъ вѣрно привести ее нѣкогда въ исполненіе; лица-же, его окружавшія, были люди высокихъ достоинствъ, а нѣкоторые изъ нихъ и большихъ способностей. Они до такой степени одушевлены были любовью къ своему государю, что отказывались отъ наградъ, которыя онъ назначалъ имъ,—они служили ему изъ одной чистой преданности. Подобнаго явленія не представляетъ исторія другихъ царствованій.

Хотя Михайло Михайловичъ и сказалъ, что потомство узнаетъ о причинахъ временнаго его паденія, но въ оставшихся послѣ него бумагахъ ничего подобнаго не оказалось. Можетъ быть, подъ этимъ: узнаетъ, разумѣлъ онъ оправдательное письмо свое изъ Перми, не зная, что оно давно уже ходитъ по рукамъ, хотя и въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Изъ всѣхъ празднествъ, по случаю совершеннолѣтія наследника, самый блистательный и одушевленный былъ балъ, данный дворянствомъ въ домѣ оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина, что по правой сторонѣ Фонтанки, противъ Ека-

терининскаго института. Для этого во все пространство двора, выходящаго на Караванную, выстроена была временная деревянная зала, великолѣпно убранная и освѣщенная. Русскій костюмъ дамъ, горѣвшій драгоценными камнями, бросался въ глаза; всѣ мужчины, не исключая и государя, были въ башмакахъ, что придавало много торжественности празднеству, и чего, въ сожалѣнію, теперь нѣтъ даже на балахъ придворныхъ. Императрица Александра Ѳеодоровна тогда еще танцевала. Нельзя было довольно насмотрѣться на извѣстную граціозность ея во французской кадрили и вальсѣ. Кавалеромъ ея чаще другихъ былъ военный министръ графъ Чернышевъ, извѣстный ловкостью своею и красотою. Всѣ были веселы, довольны, разѣхались уже по восходѣ солнца.

Ходя по внутреннимъ комнатамъ богатаго хозяина, я любовался его картинами и всего болѣе знаменитымъ произведеніемъ Домининска Іоанна Богослова, искусно освѣщеннымъ, которое впослѣдствіи было куплено Николаемъ Павловичемъ за 50,000 р. асс. и находится нынѣ въ апартаментахъ императрицы. Особенное также вниманіе мое привлекалъ портретъ супруги хозяина, извѣстной красавицы Маріи Антоновны, во весь ростъ и въ *pendent* къ ней Дмитрій Львовичъ изображенъ въ костюмѣ мальтійскаго кавалера.

Кончина императора Николая Павловича.

Манифестъ, по случаю вспыхнувшей въ Берлинѣ революціи, раздражилъ противъ Николая Павловича либераловъ Западной Европы, наполнявшихъ тогда не только низшій и средній, но частію и высшій кругъ европейскаго общества; между ними были даже люди, стоявшіе во главѣ нѣкоторыхъ правительствъ, напримѣръ: Пальмерстонъ, и другіе. Блистательныя награды фельдмаршалу Радецкому за побѣды его въ Италіи и, наконецъ, вмѣшательство въ венгерскую войну — довершили это раздраженіе. Сверхъ того, многочисленная армія, которую государь содержалъ безъ всякой видимой надобности, ежегодные наборы, сооруженіе сильныхъ крѣпостей, при умноженіи флота, и тонъ самонадѣянія, выка-

занный имъ по случаю нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ, наводили страхъ на сосѣднія слабыя государства, въ первенствующихъ-же сильныхъ возбуждали зависть, особливо въ Англіи, которая, между прочимъ, съ опасеніемъ взирала на нѣкоторыя дѣйствія наши въ Азіи, хотя въ нихъ ничего не было для нея вреднаго. Она ждала только случая къ обузданію завоевательной, какъ выражались тогда, политики Николая Павловича. Случай этотъ онъ самъ не замедлил доставить. Отказъ Оттоманской Порты выдать бѣжавшихъ въ Турцію венгерскихъ и польскихъ генераловъ, чего требовалъ онъ чрезъ нарочно посланнаго въ Константинополь генераль-адъютанта, оскорбилъ его. Оскорбилъ тѣмъ чувствительнѣе, что помощь, оказанная имъ султану Махмуту, въ самую критическую минуту, давала ему право надѣяться на удовлетвореніе его домогательства. При такомъ настроеніи достаточно было для него малѣйшаго повода, чтобы, воспользовавшись имъ, заговорить съ Портою болѣе настоятельнымъ тономъ и дать ей почувствовать свое могущество. Поводъ этотъ представился въ передачѣ Портою ключей храма Гроба Господня Франціи. Николай Павловичъ потребовалъ возвращенія ихъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго торжественнаго обязательства, въ вѣдшее подкрѣпленіе адрианопольскаго трактата, относительно свободнаго отправленія христіанами, живущими въ областяхъ турецкихъ, обрядовъ ихъ вѣры и защиты отъ претерпѣваемыхъ ими гоненій. То и другое, по правдѣ сказать, походило скорѣе на придирку, чѣмъ на претензію существенную. Во-первыхъ, не все-ли равно для Россіи—въ рукахъ католическаго или православнаго духовенства находятся ключи отъ храма Гроба Господня? Во-вторыхъ, послѣ заключенія адрианопольскаго мира, не одинъ, конечно, разъ возобновились гоненія на христіанъ, но объ этомъ не было серьезныхъ со стороны нашей напоминаній. Зачѣмъ-же приплести теперь къ требованію ключей? Отказъ Порты повлекъ за собою отправленіе въ Константинополь чрезвычайнаго посла, въ лицѣ князя Меншикова, а неуспѣхъ этого посольства—введеніе русскихъ войскъ въ придунайскія княжества. Могъ-ли Наполеонъ III не обидѣться официально выраженнымъ настояніемъ отобрать у него ключи храма, когда однимъ изъ главныхъ дѣйствій его по вступленіи въ правленіе было всевозможное покровительство

католическому духовенству и угожденіе папѣ, когда французскіе крестоносцы нѣкогда царствовали въ Іерусалимѣ? Для него эти ключи имѣли дѣйствительно важное значеніе. Могла-ли завистливая Англія не воспользоваться случаемъ поссорить Францію съ Россією и не признать за *casus belli* вступленіе нашихъ войскъ въ княжества? Къ довершенію всего, Николай Павловичъ имѣлъ неразсудительность въ письмѣ своемъ по этому дѣлу къ Наполеону назвать его не *mon frère*, какъ это установлено вѣками, въ письменныхъ сношеніяхъ государей между собою, а *mon ami*. Конечно, при его щекотливой разборчивости и рыцарскомъ благородствѣ, тяжело было ему побрататься съ человѣкомъ, прошедшимъ сквозь огонь и воду, но вѣдь онъ призналъ-же его сначала президентомъ, потомъ императоромъ? Однимъ словомъ, обѣ западныя державы воспользовались всѣми этими обстоятельствами, всѣми поводами, чтобы объявить войну Россіи, слагая въ томъ вину на русскаго императора, тогда какъ онъ вовсе не желалъ войны, а движеніемъ войскъ своихъ хотѣлъ только устрасить Турцію, надѣясь, что она тогда уступить. Что онъ не хотѣлъ войны, доказывается еще тѣмъ, что растянутая наша армія вовсе не была поставлена на военную ногу, не было запасено въ достаточномъ количествѣ ни боевыхъ, ни продовольственныхъ припасовъ, не было даже пороху, а въ Крыму находилась только небольшая частичка войска. Вынужденный воевать противъ воли, не имѣя ни одного союзника, угрожаемый Германією и Швецією, получая съ театра войны на Дунаѣ извѣстія объ однѣхъ неудачахъ, которыя въ большемъ еще размѣрѣ повторялись первую зиму въ Крыму, видя неспособность своихъ генераловъ, страшное кровопролитіе подъ Севастополемъ, нужду, претерпѣваемую войскомъ, во всемъ недостатокъ, и сознавая въ душѣ своей, что самъ всему виною, Николай Павловичъ сокрушался глубоко. Въ особенности терзали его: гнусная неблагодарность австрійскаго императора и предательство англійскаго посланника лорда Сеймура, который откровенный комнатный разговоръ съ нимъ государя о будущей судьбѣ Турціи сообщилъ правительству своему какъ военный политическій фактъ, а оно его обнародовало. Поставленный въ такое тяжелое положеніе, какъ ни старался его величество превозмочь себя, скрывать внутреннее свое терзаніе,—оно стало обна-

руживаться мрачностью взора, блѣдностью, даже какимъ-то потемнѣніемъ прекраснаго лица его и худобою всего тѣла. При такомъ состояніи его здоровья, малѣйшая простуда могла развернуть въ немъ болѣзнь опасную.

Такъ и случилось. Не желая отказать гр. Клейнмихелю въ просьбѣ быть посаженнымъ отцомъ у дочери его, фрейлины, вышедшей замужъ за сына генераль-лейтенанта Пилларъ фонъ-Пильхау, государь поѣхалъ на свадьбу, несмотря на сильный морозъ, надѣвъ притомъ красный конно-гвардейскій мундиръ съ лосиными панталонами, безъ исподняго платья и не въ шерстяныхъ, а въ шелковыхъ чулкахъ. Одѣвавшій его камердинеръ, Гриммъ, замѣтилъ ему, что такъ будетъ холодно и что не лучше-ли надѣть другую форму. Государь отказался и пошелъ передъ отъѣздомъ показаться императрицѣ; возвратившись-же опять къ себѣ, чтобы надѣть шинель, сказалъ Гримму: „ты правду говоришь: проходя сѣнями, по мраморному полу, я уже почувствовалъ, что ногамъ холодно; но теперь некогда переодѣваться“. Этотъ вечеръ былъ началомъ его болѣзни: онъ простудился. Возвратившись, ни на что не жаловался, но ночь провелъ безъ сна, стараясь объяснить это Гримму не болѣзнию, а неловкимъ положеніемъ въ постелѣ и простынею, которая часто подъ нимъ скидывалась и не давала спать; другую и третью ночь провелъ также безпокойно, но продолжалъ выѣзжать. Дальнѣйшее изображено въ описаніи послѣднихъ минутъ его, мною составленномъ, которое почитаю нелишнимъ помѣстить въ концѣ моего разсказа, для возобновленія въ памяти картины изумительной, по необыкновенному мужеству, кончины императора.

Ни въ городѣ, ни даже при дворѣ, не обращали вниманія на болѣзнь государя; говорили, что онъ простудился, нездоровъ, но не лежить, что у него гриппъ, обыкновенно въ генварѣ проявляющійся. Только дней за пять до кончины, когда онъ уже пересталъ выходить изъ кабинета, я началъ спрашивать о состояніи его здоровья графа Владиміра Ѳедоровича (Адлерберга). Графъ всякій разъ, съ возраставшимъ безпокойствомъ, отвѣчалъ мнѣ: „Доктора не находятъ ничего худаго, а я не вижу ничего хорошаго, и признаться вамъ, страшусь за исходъ болѣзни“.

17-го февраля министръ позвалъ меня ранѣе обыкновеннаго, въ половинѣ втораго.

— „Садитесь, сказалъ онъ, когда я вошелъ, сейчасъ кончу; я перевозжу бюллетень“.

— Какой бюллетень? спросилъ я съ живостію, развѣ государю худо?

— „Да, отвѣчалъ графъ печально, къ сожалѣнію, очень не хорошо. Доктора еще не отчаиваются; но я въ большомъ опасеніи; и вотъ только теперь вздумали издавать бюллетень, а я предлагалъ это за нѣсколько дней назадъ, имѣя въ виду, что внезапное извѣщеніе о значительности болѣзни государя можетъ встревожить городъ“.

Тутъ вошелъ Олсуфьевъ и вмѣшался въ нашъ разговоръ, но изъ словъ его также не было замѣтно большаго опасенія. Онъ даже пошелъ за мною ко мнѣ въ канцелярію докончить какой-то прерванный рассказъ, и мы о болѣзни государя болѣе уже не говорили.

Въ семь часовъ получаю вдругъ отъ министра записку слѣдующаго содержанія:

„Здоровье государя не улучшается, что очень беспокоитъ докторовъ. Я считаю нужнымъ остаться во дворцѣ. Прикажете одному изъ начальниковъ отдѣленій и человѣкамъ двумъ или тремъ изъ писцовъ прибыть сейчасъ въ канцелярію и оставаться тамъ до завтрашняго утра, на случай надобности“.

Я исполнилъ приказаніе министра. Въ теченіе ночи было послано для напечатанія въ газетахъ три новыхъ бюллетеней, одинъ другаго прискорбнѣе. Пріѣхавъ во дворецъ въ 8 часовъ утра 18-го числа, я пошелъ къ министру, ночевавшему подлѣ комнаты государя. Онъ встрѣтилъ меня весь облитый слезами.

— „Что? неужели нѣтъ надежды?“

— Никакой.

— „Онъ потерялъ сознаніе?“

— Нисколько, и вотъ сію минуту поручалъ меня наслѣднику самымъ твердымъ голосомъ. Если-бы видѣли, съ какимъ присутствіемъ духа готовился онъ къ смерти, что говорить, какія дѣлаетъ распоряженія!“

Тутъ графъ рассказалъ мнѣ нѣсколько умилительныхъ дѣйствій умирающаго государя, и пошелъ опять къ нему.

Послѣ этого, въ 10 и въ 11 часу, я вновь приходилъ къ министру освѣдомиться о состояніи государя, и когда въ по-

слѣдній разъ графъ сказалъ мнѣ, что его величество въ отчаянномъ положеніи, что со всѣми простился и уже забывается, едва-ли проживетъ еще часа два, — я возвратился въ канцелярію, чтобы подумать о манифестѣ, который, въ случаѣ дѣйствительной сегодня кончины, долженъ быть поскорѣ подписанъ новымъ государемъ, ибо цари не умираютъ, а къ присягѣ безъ прочтенія манифеста никто допущенъ быть не можетъ. Конечно, разсуждалъ я самъ съ собою, написать его можетъ быть поручено будетъ графу Блудову, а если нѣтъ, если вдругъ прикажутъ мнѣ на-скоро. Что тогда? Будучи въ такомъ недоумѣніи, я рѣшился набросать проектъ манифеста, но не рѣшился сказать въ немъ, что государь сегодня скончался, а оставилъ пробѣлъ.

Въ четверть или 20 минутъ перваго часа прибѣжалъ ко мнѣ камеръ-лакей съ приказаніемъ министра прислать чернаго сургучу. Стало быть, все кончилось, сказалъ я, и пошелъ внизъ. Комната, въ которой скончался обладатель такого громаднаго царства, походила на скромное жилище какого-нибудь значительнаго частнаго человѣка; она имѣла едва-ли три сажени въ длину и двѣ въ ширину. Покойный императоръ лежалъ на узенькой походной своей кровати, покрытый заношенной шинелью. Министръ двора запечатывалъ во множествѣ разной величины конверты, лежавшіе на столѣ и окнѣ бумаги. Духовникъ былъ тутъ-же. Онъ сказалъ мнѣ, что многія лица звали его въ церковь принимать присягу. На это замѣтилъ я, что лучше-бы подождать манифеста. „Да Богъ знаетъ, возразилъ Бажановъ, когда онъ выйдетъ; лучше пойду, здѣшнихъ-то, думаю, можно приводить къ присягѣ и безъ манифеста?“ Какъ хотите, отвѣчалъ я, и онъ пошелъ. Съ удивленіемъ послѣ узналъ я, что министръ юстиціи графъ Панинъ, когда новый государь выходилъ изъ комнаты скончавшагося родителя, сказалъ ему:

— Ваше величество! слѣдуетъ приступить къ присягѣ.

— „Дѣлайте свое дѣло“, отвѣчалъ императоръ.

Болѣе часа графъ Адлербергъ занимался разборомъ и печатаніемъ бумагъ, а когда кончилъ, я доложилъ ему, что нуженъ манифестъ о вступленіи на престолъ и указъ объ учрежденіи печальной комиссіи. „Манифестъ, отвѣчалъ министръ, поручено написать графу Блудову, а указъ потрудитесь изготovitъ“.

Не буду распространяться о томъ, сколько печальное это событіе повлекло за собою хлопотъ и трудовъ для всѣхъ, на кого падала обязанность дѣйствовать и распоряжаться. А какъ скончавшійся императоръ завѣщалъ, чтобы обрядъ погребенія совершенъ былъ не прежде, какъ черезъ двѣ недѣли, вмѣсто шести, то это и потребовало напряженныхъ занятій всѣми приготовлениями. Онъ завѣщалъ также, чтобы все дѣлалось какъ можно проще, безъ всякой лишней пышности и съ меньшими издержками, но трудно было сыну и преданнымъ сановникамъ буквально исполнить его волю. Довольно того, что, согласно его приказанію, онъ перенесенъ былъ не въ бель-этажъ дворца, а въ небольшую залу, тутъ же внизу. Всѣ эти двѣ недѣли министръ оставался жить во дворцѣ, а я, пріѣзжая каждый день въ 7 часовъ утра, возвращался домой на одинъ часъ, чтобы наскоро пообѣдать и потомъ опять уѣзжалъ, оставаясь въ канцеляріи по большей части до полночи, иногда и долѣе.

Былъ уже седьмой часъ вечера, когда я, можетъ быть въ десятый разъ, сошелъ внизъ, для объясненій съ министромъ (а этотъ путь составлялъ не менѣе полутора саженъ въ одинъ конецъ),—какъ въ должности гофмаршала князь Кочубей сказалъ мнѣ, что меня ищетъ министръ юстиціи, и, кажется, пошелъ ко мнѣ навсрхъ. Я поспѣшилъ возвратиться въ канцелярію и нашелъ графа Панина диктующимъ двумъ моимъ писцамъ только что просмотрѣнный государемъ манифестъ; самъ-же онъ писалъ третій экземпляръ. „Какъ нагрѣхъ графу Дмитрію Николаевичу, сказалъ мнѣ графъ Панинъ, запоздать такъ съ манифестомъ. Вотъ этотъ, мною переписываемый, экземпляръ прямо отъ васъ повезу въ сенатъ и прикажу печатать, чтобы выиграть время, а изъ двухъ другихъ экземпляровъ выберите который почище написанъ и отдайте графу Владимиру Федоровичу, для представленія къ высочайшему подписанію“. Когда мы кончили списывать копіи, графъ Панинъ опять выразилъ неудовольствіе, что Блудовъ такъ долго промѣшкалъ. Тогда я позволилъ себѣ сказать, что у меня былъ изготовленъ манифестъ, и если бы оказался годнымъ, то могъ-бы быть подписанъ еще часу въ третьемъ.

— „Гдѣ же онъ? Прочтите его мнѣ“.

Я прочиталъ.

— „Боже мой! зачѣмъ не вашъ? Зачѣмъ вы не представили его графу Владиміру Ѳедоровичу?“

— Онъ мнѣ сказалъ, что работа эта поручена графу Блудову.

— „Покажите, по крайней мѣрѣ, теперь, когда будете передавать вотъ этотъ“.

— Для чего-же? Теперь поздно; да съ моей стороны было бы и не скромно.

— „Скажите прямо, что я просилъ васъ объ этомъ, можетъ быть..“. Тутъ онъ со мною раскланялся.

Взявъ получше переписанный экземпляръ манифеста, а свой положивъ въ боковой карманъ, отправился я опять внизъ къ министру. Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ началъ также изъясненіемъ негодованія, что манифестъ поздно подносится къ подписанію. Тутъ я пересказалъ ему разговоръ мой съ графомъ Панинымъ и подалъ черновую мою рукопись.

— „Зачѣмъ-же, сказалъ онъ почти съ досадою, зачѣмъ вы раньше его мнѣ не показали? государь, вѣрно, предпочелъ бы вашъ. Я, однако, возьму его съ собой и покажу“.

— Мнѣ кажется, это будетъ напрасно, возразилъ я; — государь не захочетъ оскорбить старика Блудова и утвержденный уже манифестъ его замѣнить моимъ; а притомъ рукопись моя черновая—съ помарками, съ пробѣломъ.

— „Нужды нѣтъ, я хорошо разбираю вашу руку и самъ прочитаю государю“.

Онъ пошелъ, а мнѣ велѣлъ остаться, подождать его возвращенія. Скоро вернувшись и отдавая мнѣ подписанный его величествомъ манифестъ Блудову, для отправленія къ министру юстиціи, а равно мои черновой, сказалъ:

— „Государь очень жалѣетъ, что долженъ былъ подписать не вашъ манифестъ и что вы во-время мнѣ его не показали!“

Дней черезъ 10 министръ опять потребовалъ отъ меня мой манифестъ, набѣло переписанный, чтобы послать его къ графу Нессельроде, который (не знаю почему) о томъ просилъ его. На другой день при мнѣ подали министру пакетъ отъ канцлера, въ которомъ, возвращая манифестъ, выразилъ онъ въ приложенной конфиденціальной запискѣ сожалѣніе, что обнаружено

не этотъ, и сообщалъ о полученныхъ имъ телеграфическихъ извѣстіяхъ, что манифестъ графа Блудова произвелъ въ чужихъ краяхъ непріятное впечатлѣніе.

Позднѣе, баронъ Модестъ Евграфовичъ Корфъ, извѣстный своими способностями, просвѣщеніемъ и отлично владѣвшій перомъ, просилъ меня также прислать ему для прочтенія мой манифестъ. Онъ возвратилъ его съ слѣдующею, весьма лестною для меня, надписью: Прекрасно! безподобно! и какъ жалъ!

Если манифесту моему не суждено было погулять по свѣту облаченнымъ въ пышную офиціальную форму, то пусть, по крайней мѣрѣ, сохранится онъ здѣсь въ первобытной простотѣ своей; если-жъ правился тѣмъ, кто читалъ его, то это не мудрено: онъ писанъ подъ вліяніемъ горестнаго чувства, что Россія лишается монарха, на котораго, чтобы тамъ ни говорили о многихъ важныхъ его ошибкахъ, могла она опереться какъ на каменную стѣну.

Проектъ манифеста.

„Неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго угодно было поразить императорскій Домъ нашъ и все государство великимъ, тяжкимъ несчастіемъ! Мы лишились любезнѣйшаго родителя нашего и государя императора Николая Павловича, скончавшагося въ 18 день сего февраля отъ непродолжительной, быстро развившейся болѣзни вслѣдствіе простуды.

Благодарная Россія, тридцать лѣтъ процвѣтавшая подъ его скипетромъ, видѣвшая постоянно неусыпныя его попеченія объ ея счастьи, пользахъ и славѣ, и еще въ настоящее время выразившая ему столько любви и преданности въ многочисленныхъ адресахъ губерній, пойметъ и исполнитъ всю великость нашей и своей потери. Она соединитъ теплыя мольбы свои съ нашими о упокоеніи великой души почившаго въ Бозѣ императора; она вмѣстѣ съ нами оплачетъ кончину государя, который за ея честь, за православную вѣру стоялъ непоколебимо на стражѣ отечества до послѣднихъ минутъ жизни, сокрушаясь глубоко о бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ войною, и употребляя всѣ усилія къ прекращенію оной. Можетъ быть, исполненная

эта борьба, не имѣ начатая, истощая постепенно душевныя и тѣлесныя его силы, ускорила конецъ драгоцѣнныхъ дней монарха, столь достославнаго.

Вступая на прародительскій престолъ, орошенный слезами отечества, и возвергая печаль нашу на Господа, мы смиренно молимъ Его: да благословитъ онъ, Всемогущій, наше царствованіе, да поможетъ намъ съ тою же твердостію и неутомимостію, съ тѣмъ-же самоотверженіемъ, какъ и незабвенный родитель нашъ, нести тяжкое бремя правленія ко благу любезной, преданной царямъ своимъ, православной Россіи, къ чести и славѣ, Богомъ ввѣряемой намъ, державы!

Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣваемъ всѣмъ сословіямъ государства принести намъ и наслѣднику нашему, его императорскому высочеству цесаревичу великому князю Николаю Александровичу, присягу на вѣрность подданства“.

Указъ объ учрежденіи печальной комиссіи могъ быть подписанъ только въ первомъ часу ночи: такъ трудно было министру, въ этотъ тяжкій для воцарившагося государя день, улучшить удобную къ тому минуту. Когда я шелъ отъ него съ нѣми дворца, все еще ярко освѣщенными и по обыкновенію теплыми почти какъ залы, въ нихъ, послѣ бѣготни цѣлаго дня, царствовала уже тишина; только изъ дверей, ведущихъ къ комнатѣ покойнаго выходили двѣ дамы, въ глубокомъ траурѣ, съ черными покрывалами. Одна изъ нихъ шла едва передвигая ноги и опустивъ голову на плечо другой. То была фрейлина Нелидова.

Въ эту же ночь приступлено было къ бальзамированію, но оно не удалось, во-первыхъ, потому, что тѣло простояло болѣе 12-ти часовъ въ маленькой душной комнатѣ, а во-вторыхъ, что произведено было по какой-то новой методѣ человѣкомъ, который, какъ видно, и самъ былъ не искусенъ въ этомъ дѣлѣ. На другой день призванъ былъ опытный профессоръ Нарановичъ, который, держась старой методы, по возможности поправилъ упущеніе и предотвратилъ наступавшее разрушеніе.

Утромъ, 19 февраля, вновь разспрашивая Владиміра Ѳедоровича о послѣднихъ минутахъ почившаго государя, такъ какъ вчера подъ гнетомъ скорби и тысячи хлопотъ, онъ могъ сообщить мнѣ только немногое, и глубоко тронутый тѣмъ, что слышалъ, я предложилъ ему позволить мнѣ составить о томъ

особую записку, или газетную статью, для всеобщаго свѣдѣнія. Графъ одобрилъ мысль мою, доложилъ государю и вынесъ мнѣ изъ его кабинета высочайшее на то разрѣшеніе. Проработавъ до трехъ часовъ ночи, я успѣлъ къ семи часамъ утра доставить статью мою министру. Государь одобрилъ ее, но приказалъ дополнить нѣкоторыми обстоятельствами, о коихъ вспомнилъ. На слѣдующее утро еще новыя дополненія и, сверхъ того, приказаніе прислать ко мнѣ духовника и камердинера Гримма, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ сообщилъ мнѣ чтѣ видѣлъ и слышалъ, находясь при покойномъ императорѣ въ день кончины. Такимъ образомъ, наконецъ, составилаcя довольно полная статья, на третій только день, и то поздно ночью, утвержденная государемъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ сановниковъ, встрѣчаясь со мною на панихидахъ и узнавъ какъ-нибудь о порученной мнѣ работѣ, спрашивали меня: скоро-ли? надобно поспѣшить, говорили они:—народъ все еще въ недоумѣніи на счетъ внезапной кончины государя, толпится у дворца, проклинаетъ доктора Мандта. Между прочимъ, графъ Блудовъ настоятельно желалъ видѣть статью мою, прежде чѣмъ она будетъ утверждена государемъ, и потому просилъ позволенія министра придти къ нему въ кабинетъ, когда я буду читать послѣднюю редакцію. Въ назначенный часъ мы сошлись. И чтецъ и оба слушателя не могли удержаться отъ обильныхъ слезъ при этомъ чтеніи. Блудовъ сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ двухъ какихъ-то моихъ выраженій, изъ которыхъ я могъ принять только одно.

Для одновременнаго напечатанія статьи въ 4-хъ газетахъ, въ „Академическихъ“, „Сѣверной Пчелѣ“, „Инвалидѣ“ и „Полицейскихъ“, надлежало изготавить четыре экземпляра. Было уже около двухъ часовъ ночи, когда я отправился съ ними по редакціямъ просить, по высочайшему повелѣнію, чтобы статья непременно завтрашнее утро появилась въ ихъ изданіяхъ. Почти всѣ уже спали, ибо наборъ завтрашнихъ номеровъ былъ уже конченъ. Николая Ивановича Греча нашелъ я въ постелѣ, но еще читающимъ. Онъ тотчасъ распорядился, приказалъ выкинуть набранное и замѣстить матеріаломъ, мною доставленнымъ. Такъ поступили и другіе. Издатель „Полицейскихъ газетъ“ напечаталъ особо 10 т. экземпляровъ, и, продавая по гривеннику, собралъ порядочную сумму.

Послѣ этого потребовано было отъ доктора Мандта, (который сидѣлъ въ квартирѣ своей въ Зимнемъ дворцѣ, не смѣя показаться на улицѣ), подробнаго описанія хода самой болѣзни государя. Онъ составилъ его, (разумѣется, на нѣмецкомъ языкѣ). Надобно было, для соблюденія вѣрности, перевести его буквально, что поручилъ я одному изъ чиновниковъ канцеляріи, хорошо знавшему по-нѣмецки, а потомъ исправить или, лучше сказать, вовсе передѣлать въ слогѣ, что уже я долженъ былъ взять на себя, при помощи доктора Енохина, такъ какъ многіе медицинскіе термины были мнѣ не извѣстны. Мы проработали съ нимъ часа три, не вставая съ мѣстъ, и успѣли въ томъ, такъ что статья Мандта появилась вслѣдъ за моею статьею.

Подробности выноса тѣла и погребенія Николая Павловича извѣстны изъ многихъ современныхъ и послѣ изданныхъ описаній; я скажу только то, что погребальное шествіе не имѣло, въ сожалѣнію, того поразительно мрачнаго величія, какое видѣли мы при погребеніи Александра Павловича. Тогда всѣ, участвовавшіе въ церемоніи, были въ черныхъ плащахъ и такихъ же шляпахъ, съ распущенными большими полями. Здѣсь, напротивъ, по причинѣ большаго мороза и придерживаясь завѣщанія покойнаго объ устраненіи пышности и лишнихъ расходовъ, воцарившійся государь дозволилъ всѣмъ имѣть верхнее платье какое кто хочетъ — шубы, шинели, пальто. Намъ, конечно, было тепло, но пестрота одеждъ вредила достоинству картины.

Последнія минуты въ Божѣ почившаго императора Николая Павловича.

„27 января государь императоръ заболѣлъ гриппомъ; но продолжалъ, по обыкновенію, неутомимо заниматься государственными дѣлами. Черезъ нѣсколько дней, именно 9 февраля, чувствуя себя лучше, вопреки совѣта пользовавшихъ его врачей, лейбъ-медика Мандта и доктора Карелля, изволилъ, послѣ преждеосвященной обѣдни, выѣхать въ экзерциръ-гаузъ Инженернаго замка, для осмотра маршевыхъ баталіоновъ л.-гв. Измайловскаго и Егерскаго полковъ. „Ваше величество, сказалъ докторъ Карелль, нѣтъ ни одного медика въ вашей арміи,

который позволилъ-бы рядовому выписаться изъ госпиталя въ такомъ положеніи, въ какомъ вы находитесь, и при такомъ морозѣ (23 градуса); мой долгъ требовать, чтобы вы не выходили еще изъ комнаты“.— „Ты исполнилъ свой долгъ, отвѣчалъ государь, позволь-же мнѣ исполнить мой“. Въ часъ пополудни государь отправился въ экзерциръ - гаузь, не взявъ даже предосторожности (не смотря на убѣжденіе государя цесаревича и просьбы близкой своей прислуги) одѣться потеплѣе обыкновеннаго. Послѣ смогра заѣзжалъ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а отъ нея къ бывшему тогда больнымъ военному министру; возвратясь же, почувствовалъ себя хуже, чѣмъ наканунѣ. Кашель и одышка, уже и въ предшествовавшіе дни иногда появлявшіеся, увеличились. Ночь его величество провелъ безъ сна; однако, на другой день, 10-го числа, изволилъ опять выѣхать въ тотъ же экзерциръ-гаузь для осмотра маршевыхъ баталіоновъ л.-гв. Преображенскаго и Семеновскаго резервныхъ полковъ и людей л.-гв. Сапернаго резервнаго полубаталіона. Съ этого дня всѣ болѣзненные припадки начали усиливаться. Государь уже не выходилъ изъ комнаты. 11-го числа хотя намѣревался еще быть у преждеосвященной обѣдни, но не могъ и слегъ въ постель. Вечеромъ болѣзнь оказалась очевидно тяжкою и признаки опасности жизни начали развиваться съ неимовѣрною быстротою ¹⁾. Не смотря на болѣзненное свое состояніе, государь не покидалъ занятій государственными дѣлами, и только 12 числа, по настоянію врачей, рѣшился предоставить трудъ сей цесаревичу.

17-го числа, когда опасность признана была несомнѣнною, государыня императрица, скрѣпя сердце, рѣшилась предложить Августѣйшему супругу своему пріобщиться святыхъ Христовыхъ Таинъ.— Государь началъ было на первой недѣлѣ поста говѣть, и съ понедѣльника по четвергъ включительно изволилъ постоянно присутствовать при божественной службѣ, но, неоднократно жалуясь на слабость здоровья, выражалъ сомнѣніе: въ силахъ-

¹⁾ Когда и прежде покойному императору случалось заболѣвать, онъ не соглашался на изданіе бюллетеней, чтобы не потревожить публики. Такъ и нынѣ, за три дня до кончины, онъ изволилъ сказать цесаревичу: „надѣюсь, что не обезпокоили публики бюллетенями о моей болѣзни“.

ли будетъ исполнить этотъ христіанскій долгъ? Не смотря, однакожъ, на свою слабость, ни разу въ продолженіе службы не садился, хотя и былъ къ тому убѣждаемъ протопресвитеромъ Бажановымъ. Императрица воспользовалась этимъ случаемъ.

— Если ты, сказала она, не можешь окончить начатаго говѣнія и приобщиться Святыхъ Таинъ на первой недѣлѣ, то не хочешь ли исполнить это теперь? Хотя состояніе здоровья твоего во все не опасно, но сколько примѣровъ, что съ принятіемъ Святыхъ Таинъ Богъ посылаетъ страждущимъ облегченіе.

— „Нѣтъ, я не могу приступить къ такому великому Таинству въ постели, не одѣтый,—лучше тогда, когда я буду въ силахъ совершить это приличнымъ образомъ“.

Императрица замолчала. Вскорѣ онъ замѣтилъ на глазахъ ея слезы.

— „Ты плачешь?“.

— Нѣтъ, это отъ насморка.

Черезъ нѣсколько минутъ императрица тихо начала читать „Отче нашъ“.

— „Ты читаешь молитву? Зачѣмъ?“

— Я молюсь о твоёмъ выздоровленіи.

— „Развѣ я въ опасности?“

— Нѣтъ...

У ея величества не достало духа отвѣчать утвердительно.

— „Но ты очень разстроена; ты устала, поди успокойся“.

Императрица вышла.

Около 3-хъ часовъ ночи государь спросилъ доктора Мандта:

— „Скажите мнѣ откровенно: какая у меня болѣзнь? Вы знаете, что и прежде я всегда вамъ приказывалъ предупредить меня во-время, если заболѣю тяжело, чтобы не упустить исполненія христіанскаго долга“.

— Не хочу скрыть предъ вашимъ величествомъ, что болѣзнь ваша становится серьезною: у васъ поражено правое легкое.

— „Вы хотите сказать, что ему угрожаетъ параличъ?“

— Если болѣзнь не уступитъ нашимъ усиліямъ, то, конечно, это можетъ послѣдовать, но мы того еще не видимъ и не теряемъ надежды на ваше выздоровленіе.

— „А, теперь я понимаю мое положеніе, теперь я знаю что мнѣ дѣлать“.

Отпустивъ доктора, государь позвалъ наслѣдника и спокойно сообщилъ ему о безнадежности своего положенія, примолвивъ:

— „Надѣюсь, что ты еще ничего не сказалъ и не скажешь матушкѣ; прикажи позвать духовника“.

Протопресвитеръ Бажановъ находился уже во дворцѣ. Тутъ вошла императрица. Когда духовникъ началъ читать предшествующія исповѣди молитвы, государь благословилъ, стоявшихъ у постели его на колѣняхъ, императрицу и цесаревича. Засимъ они вышли.

По окончаніи исповѣди, государь, перекрестившись, прознесъ:

— „Молю Господа, чтобы Онъ принялъ меня въ свои объятія“.

Священный обрядъ причащенія, совершенный по желанію его величества, въ присутствіи императрицы и цесаревича, исполнилъ онъ съ полнымъ самосознаніемъ, съ умиленнымъ благоговѣніемъ и необыкновеннымъ спокойствіемъ. Молитву-же „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“ прочиталъ отъ начала до конца довольно твердымъ голосомъ. Послѣ сего позвалъ къ себѣ государыню цесаревну, великаго князя Константина Николаевича, великихъ княгинь Александру Іосифовну, Марію Николаевну, Елену Павловну и внучатъ, проводившихъ всю ночь безъ сна въ сосѣднихъ комнатахъ; съ твердостью объявилъ имъ о близкой своей кончинѣ, со всѣми простился, всѣхъ благословилъ. Произнесенныя имъ въ эти торжественныя минуты слова, конечно, останутся навсегда запечатлѣнными въ сердцахъ осиротѣвшаго августѣйшаго семейства. Императрица воскликнула:

— „Боже! для чего я не могу умереть вмѣстѣ съ тобою“.

— „Ты должна жить для нихъ“.

Обратившись къ государю цесаревичу, императоръ сказалъ:

— „Ты знаешь, что всѣ мои попеченія, всѣ усилія стремились ко благу Россіи; я хотѣлъ продолжать трудиться такъ, чтобы оставить тебѣ государство благоустроенное, огражденное безопасностію извнѣ, совершенно спокойное и счастливое, но ты видишь въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ я умираю. Видно, такъ угодно Богу. Тяжело тебѣ будетъ“.

Залившійся слезами цесаревичъ отвѣчалъ:

— Если уже суждено мнѣ тебя лишиться, то я увѣренъ, что ты и тамъ будешь молиться Ему о Россіи, о насъ всѣхъ,

о святой Его мѣ помощи понести тяжкое бремя, Имъ же на меня возлагаемое.

— „Да, я всегда молился Ему за Россію и за васъ всѣхъ; буду, буду молиться и тамъ. Вы же, — обращаясь къ окружающему болѣзненный одръ его августѣйшему семейству и указывая на императрицу, продолжалъ:— оставайтесь навсегда, какъ было доселѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной“.

Послѣ сего, государь потребовалъ къ себѣ министра двора графа Адлерберга, графа Орлова и военного министра князя Долгорукова; въ трогательныхъ словахъ благодарилъ ихъ за вѣрную службу, за испытанную преданность, поручилъ ихъ наслѣднику, благословилъ и простился.

Засимъ снова обращаясь къ цесаревичу и къ графу Адлербергу, отдалъ послѣднія приказанія относительно своихъ похоронъ. Самъ назначилъ залу нижняго этажа Зимняго дворца, въ которой должны быть выставлены смертные останки его, и указалъ мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ соборѣ; требовалъ, чтобы погребеніе было совершено съ возможно меньшею роскошью, безъ пышнаго катафалка, безъ всякихъ великолѣпныхъ въ залѣ и церкви убранствъ, дабы избѣжать напрасныхъ издержекъ ¹⁾. Наконецъ, приказалъ позвать къ себѣ ближайшихъ служителей, благодарилъ ихъ, простился и благословилъ.

Умирающій государь находился еще въ полной памяти, когда духовникъ приступилъ къ чтенію отходной, и изволилъ повторять за нимъ молитвы, хотя слабымъ уже голосомъ, но покойно. Вскорѣ голосъ его пресѣкся, онъ знаками подозвалъ къ себѣ духовника, пожалъ ему руку, поцѣловалъ наперсный его крестъ, и не въ силахъ уже будучи произнести ни одного слова, движеніями руки и глазъ показывалъ на императрицу, на наслѣдника, какъ-бы желая сказать, чтобы онъ за нихъ молился. До послѣднихъ минутъ жизни не покидалъ онъ руки императрицы и наслѣдника, и крѣпко жалъ ихъ.

Въ 20 минутъ перваго часа пополудни не стало государя, почти 30 лѣтъ украшавшаго престолъ Россійскій, обладавшаго

¹⁾ По духовному завѣщанію блаженной памяти императора Николая Павловича, вскрытому послѣ его кончины царствующимъ государемъ, онъ требовалъ, чтобы срокъ траура по немъ назначенъ былъ самый краткій.

въ высшей стѣпени чувствомъ священнаго своего долга и неусыпно, съ полнымъ самоотверженіемъ трудившагося для блага Отечества“.

Императоръ Александръ Николаевичъ пожелалъ ознаменовать милостями день своего рожденія 17-го апрѣля. Въ числѣ представленныхъ къ наградамъ находился гофмейстеръ Львовъ, директоръ пѣвческой капеллы. Министръ двора ходатайствовалъ о назначеніи его въ сенаторы. Государь соизволилъ съ тѣмъ, если министръ юстиціи найдетъ то возможнымъ, почему и поручилъ графу Адлербергу объясниться на этотъ счетъ съ графомъ Панинымъ. До 17-го числа оставалось только три дня; графъ Владиміръ Ѳедоровичъ обремененъ былъ множествомъ скопившихся дѣлъ и очень затруднялся избрать свободный часъ для свиданія съ министромъ юстиціи. Любя Львова, я вызвался взять то на себя.

— „Здравствуйте, Владиміръ Ивановичъ, сказалъ графъ Панинъ, когда я пришелъ къ нему—очень радъ васъ видѣть, самъ все собирался къ вамъ ѣхать“.

— Зачѣмъ, ваше сіятельство? спросилъ я, удивленный такимъ привѣтствіемъ.

— „А за тѣмъ, продолжалъ графъ, чтобы поблагодарить васъ за ту прекрасную и въ литературномъ и въ политическомъ отношеніи статью о послѣднихъ минутахъ покойнаго государя, которую вы написали: умы начали волноваться,—вы ихъ успокоили“.

Не скрою, что мнѣ пріятно было слышать такой отзывъ отъ человѣка столь умнаго и образованнаго. Дѣло Львова обработалъ я съ полнымъ успѣхомъ; можетъ быть, благорасположеніе министра, съ которымъ онъ меня встрѣтилъ, отчасти тому способствовало.

ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА ¹⁾.

Род. 1792 г. † 1859 г.

Бракосочетаніе и кончина вел. кн. Александры Николаевны.

Почти каждый годъ, ко времени маневровъ, пріѣзжали въ Петербургъ кто-нибудь изъ иностранныхъ принцевъ, иногда двое, трое, чаще всего прусскіе. По великолѣпію императорскаго двора и радушію пріема, они очень любили погостить у насъ; да къ тому же въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ въ царственномъ семействѣ много стекалось фамилныхъ праздниковъ, по случаю дней рожденія и тезоименитствъ августѣйшихъ особъ. Болѣе другихъ торжественны были дни 25-го іюня и 1-го іюля. Тогда Петергофъ, распространенный и украшенный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, любимое его дѣтище, представлялъ самую оживленную картину веселія двора и народа.

Лѣтомъ 1843 года прибылъ небывалый еще гость, принцъ Гессенъ-Кассельскій Фридрихъ Вильгельмъ, молодой чело-вѣкъ 23-хъ лѣтъ, красивой наружности. Въ городѣ тотчасъ заговорили, что это женихъ которой-нибудь великой княжны Ольги или Александры Николаевны. Съ первой же встрѣчи понравился онъ Александрѣ Николаевнѣ, и вскорѣ были они помолвлены. Помню, какъ князь Петръ Михайловичъ, котораго Николай Павловичъ называлъ своимъ семьяниномъ, возвратясь въ одно воскресенье отъ государя, съ прискорбіемъ объявилъ мнѣ о послѣдовавшемъ рѣшеніи. Время доказало, что онъ былъ правъ въ своемъ огорченіи, въ своемъ предвѣдніи....

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., томъ LXXI, ноябрь, стр. 275—293, декабрь, стр. 469—496.

Бракосочетанія великихъ княженъ совершены были на одной недѣлѣ, въ половинѣ января мѣсяца 1844 года. Начались большія празднества. Самыя великолѣпныя были у великой княгини Елены Павловны и у министра двора, въ домѣ департамента удѣловъ, перестроенномъ нынѣ во дворецъ великаго князя Михаила Николаевича. Праздникъ великой княгини, соединяя въ себѣ и балъ, и маскарадъ, и итальянскую оперу, и пантомимное представленіе изъ мифологіи, въ которомъ участвовали великія княжны, превосходилъ все, чтò въ этомъ родѣ вообразить себѣ можно. Ужинали въ комнатахъ, выходящихъ съ разныхъ сторонъ на великолѣпную лѣстницу, настежь растворенныхъ, и на самой лѣстницѣ, какъ и въ галлерей, ее окружающей, такъ и на площадкахъ до самаго низа. Все это, ярко освѣщенное, уставленное цвѣтами и растеніями южныхъ климатовъ, представляло зрѣлище необыкновенное и совершенно новое. Маскарадъ князя Петра Михайловича отличался роскошью и разнообразіемъ костюмовъ. Ужинъ былъ въ сосѣднемъ домѣ Землемѣрскаго училища, для чего въ стѣнѣ онаго нарочно была пробита дверь. Кто бы могъ предвидѣть, какую печалію вскорѣ стѣснились эти увеселенія?

Уже на этихъ балахъ многіе замѣтили, что Александра Николаевна часто покашливала. Кашель этотъ начался у ней еще съ лѣта, въ Петергофѣ, но не возбуждалъ никакого опасенія. Въ концѣ великаго поста разнесся слухъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, у ней обнаружилась чахотка. Другіе врачи, особливо ближайшіе ко двору, хотя того не признавали, но находили нужнымъ, чтобы по наступленіи лѣта она не отлагательно отправилась въ чужіе края, для пребыванія въ лучшемъ климатѣ и для молочнаго лѣченія. Ей, конечно, и безъ того надобно было оставить отечество, но императрица Александра Ѳеодоровна никакъ не рѣшалась отпустить ее больную отъ себя и положила ѣхать вмѣстѣ съ нею, лишь только возвратится государь изъ Лондона, куда онъ по приглашенію королевы отправился весною. Но уже было поздно: неизлѣчима болѣзнь развилась быстро, такъ что въ концѣ іюня мѣсяца докторъ Мандтъ, пользовавшійся особенною довѣренностію Николая Павловича, посланъ былъ къ нему на встрѣчу, чтобы осторожно предупредить его объ опасномъ положеніи дочери, и чтобы истощенный

видъ юной страдальцы не слишкомъ поразилъ его по прибытіи. Мандтъ встрѣтилъ его въ Голландіи. Человѣкъ энергическій, нѣжнѣйшій отецъ, Николай Павловичъ не заставилъ себя ждать; онъ отмѣнилъ посѣщеніе нѣкоторыхъ дворовъ и не пріѣхалъ, а прилетѣлъ. Больная была безнадежна, съ каждымъ днемъ, видимо, угасала жизнь этого прекраснаго существа, любимицы и царственной семьи, и всей столицы. Довольно было видѣть это милое дѣтское лицо, во дни цвѣтущаго здоровья постоянно оживленное улыбкою, эту прелесть каждаго движенія, безыскусственно живописную, эту ко всѣмъ благосклонность, чтобы почувствовать къ ней какое-то невольное влеченіе. Неутѣшный отецъ дни и ночи проводилъ около умирающей, спалъ въ сосѣдней комнатѣ на кушеткѣ, не раздѣваясь и только снимая сапоги, чтобы шумомъ не потревожить слабого, перерывчатаго ея сна. На его рукахъ она скончалась.

Многіе еще помнятъ тотъ поздній сумрачный вечеръ первыхъ чиселъ августа, когда гробъ усопшей великой княгини перевезенъ былъ изъ Царскаго села въ Петропавловскую крѣпость. Можно сказать, весь Петербургъ вышелъ ему на встрѣчу. Отъ самой заставы до Троицкаго моста публика и народъ благоговѣйно стояли непрерывными густыми рядами. Тронутый изъявленіемъ такой любви и преданности, императоръ тутъ же, не выѣзжая изъ крѣпости, написалъ собственноручно рескриптъ генераль-губернатору съ выраженіемъ городу самой пылкой, исполненной поэзіи сердца, признательности...

По полученіи наслѣдникомъ цесаревичемъ высочайшаго рескрипта относительно благотворительнаго заведенія въ память великой княгини Александры Николаевны, его императорское высочество выразилъ князю Волконскому желаніе, чтобы дѣломъ учрежденнаго для того комитета управлялъ я.

Первое засѣданіе было въ Александріи, въ извѣстномъ небольшомъ домикѣ, нынѣ увеличенномъ, близъ фермы, принадлежащемъ наслѣднику. Послѣ непродолжительныхъ преній положено учредить женскую больницу для неизлѣчимыхъ, на пятьдесятъ кроватей, изъ которыхъ десять собственно для чахоточныхъ роженицъ. Когда мы встали изъ-за стола, предсѣдатель, т. е. наслѣдникъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «такъ потрудитесь составить журналъ нашего засѣ-

данія, да подумайте, какъ бы избѣжать этого тяжелаго выраженія: для неизлѣчимыхъ». Не только я, глубоко тронутый тонкостію чувства, явленнаго такою мыслію, всѣ присутствующіе были пошевелены ею, и принялись общими силами искать выраженія, но не нашли другаго, какъ фразы: больница для такихъ больныхъ, которыхъ въ другія врачебныя заведенія не принимаютъ; въ народѣ же пустить наименованіе: Александринская больница. Такъ оно и усвоилось.

Слѣдующія засѣданія комитета происходили въ Зимнемъ уже дворцѣ, на половинѣ его высочества по вечерамъ. Мы обыкновенно собирались за нѣсколько минутъ до назначеннаго времени передъ кабинетомъ, и никто, даже принцы не садились, ожидая приглашенія войти, что наслѣдникъ дѣлалъ лично, отворяя дверь кабинета.

Послѣ нѣсколькихъ засѣданій, его высочество началъ сажать меня на свое предсѣдательское мѣсто, а до того времени садился я противъ него, на другомъ концѣ стола, самъ же сталъ занимать первое мѣсто съ правой стороны. И какъ я ни откланивался отъ такой чести, онъ придвинулъ мнѣ свои кресла, сказавъ: «садитесь, садитесь; такъ будетъ намъ слышнѣе, что вы читаете».

Суммы, отчисленной кабинетомъ, за поступившіе въ оный брильянты, оказалось недостаточно для сооруженія зданія и содержанія заведеній. Наслѣдникъ внесъ отъ себя и супруги своей 30.000 р. сер.; государь приказалъ отпустить изъ кабинета полтора, помнится, тысячъ рублей серебромъ же, оставшіеся отъ ассигнованныхъ на заготовленіе разныхъ предметовъ приданого, наконецъ, разрѣшилъ обратить въ вѣчный фондъ больницы и заведенія сестеръ милосердія, въ которомъ Александра Николаевна принимала большое участіе, собственный капиталъ ея, за отчисленіемъ четвертой части принцу Кассельскому.

Предположено было вдоль фасада больницы, отъ Итальянской до Невскаго проспекта, провести небольшую улицу, сдѣлавъ ее продолженіемъ Шестилавочной. Для этого надобно было купить и сломать два дома: одинъ маленькій деревянный въ Итальянской улицѣ, а другой большой каменный, кажется, купца Егорова, на Невскомъ проспектѣ. Первый тотчасъ купили мы за 8.000 руб. и тѣмъ открыли возможность подвозить къ строенію матеріалъ, но

для покупки втораго, оцѣненнаго въ триста тысячъ рублей, не имѣли мы никакой возможности. Оставалось одно средство: продать большое пустопорожнее городское мѣсто, противъ больницы, занятое огородами и простирающееся вплоть до Знаменской улицы, гдѣ въ старину былъ Итальянскій садъ, отчего сосѣдняя Итальянская улица и получила свое названіе. По соображенію члена нашего, генераль-губернатора Кавелина, за это мѣсто, разбитое на три удобныхъ для постройки домовъ участка, можно было выручить тоже 300.000 рублей, а покупщики нашлись бы. Государь на это соизволилъ, но дѣло что-то заглохло. Однажды князь Волконскій возобновилъ вопросъ: «когда же,—спросилъ онъ,—будетъ продано пустопорожнее мѣсто и купленъ домъ купца Егорова?» — «Теперь уже нельзя на это рассчитывать,—отвѣчалъ принцъ Ольденбургскій,—государь задумалъ построить домъ для Маріинскаго института, и это мѣсто займется дворомъ и садомъ заведенія». — «Такъ гдѣ же деньги-то на покупку дома?» продолжалъ князь. — «Я докладывалъ объ этомъ государю,—сказалъ наслѣдникъ,—онъ отозвался, что найдетъ деньги». — «Да,—возразилъ князь серьезнымъ тономъ,—онъ всегда говоритъ, что найдетъ деньги, а какъ дойдетъ дѣло до денегъ, такъ ихъ нѣтъ, и давай наваливать на меня, на кабинетъ. А мнѣ гдѣ взять? У меня осталось тамъ къ новому году всего 18 рублей». (Засѣданіе происходило въ концѣ декабря). Всѣ были поражены этими смѣлыми словами и съ удивленіемъ устремили глаза на князя. Но цесаревичъ тотчасъ нашелся, онъ громко захохоталъ, вмѣсто всякаго отвѣта; всѣ невольно послѣдовали его примѣру, раздался общій взрывъ смѣха, такъ что и самъ князь засмѣялся.

Мѣсто будущей надзирательницы больницы хотѣлось мнѣ предоставить одной бѣдной вдовѣ, съ тремя уже почти взрослыми дѣтьми, женщинѣ отличныхъ достоинствъ, и вдобавокъ замѣчательной красоты, несмотря на сорока-лѣтній возрастъ. Послѣднее обстоятельство, хотя и стороннее, и случайное, не было, однакоже, по моему мнѣнію, лишнимъ. Я рассчитывалъ, что страждущему больному гораздо пріятнѣе и облегчительнѣе видѣть около себя чело-вѣка не только внимательнаго и деликатнаго, но еще и благо-образнаго. Я заблаговременно обратился къ члену нашему, принцу

Ольденбургскому, на котораго, какъ на опытнаго по части больничныхъ заведеній чловѣка, возложено было комитетомъ внутреннее устройство и организація больницы. «Намъ надобно, — началъ я, прѣхавъ къ нему въ одно утро, — заранѣе позаботиться о выборѣ надзирательницы для нашей больницы, а то, когда узнають объ окончаніи постройки, явится толпа женщинъ, и мы, не имѣя времени разузнать о нихъ хорошенько, можемъ сдѣлать ошибку». — «Правда-съ». — «Я имѣю, ваша свѣтлость (ему тогда не было еще пожаловано титула высочества), въ виду такую даму». — «Кого-съ?» — «Госпожу Ланге; можетъ, вы изволили знать (принцъ очень памятливъ) дочь ея, воспитывавшуюся въ Смольномъ монастырѣ, и сына, обучавшагося въ Коммерческомъ училищѣ?» — «Да-съ, помню, помню, и мать хороша собою, и дочь тоже очень не дурна». — «Точно такъ, ваша свѣтлость, а за нравственныя качества и способность г-жи Ланге къ этой должности я ручаюсь». — «Ну, такъ хорошо-съ, мы будемъ имѣть ее въ виду».

Спустя мѣсяцъ, оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ, управлявшій дворомъ наслѣдника, прислалъ ко мнѣ, по его повелѣнію, просьбу одной пожилыхъ лѣтъ дѣвицы, воспитывавшейся въ Смольномъ монастырѣ, въ которой императрица Марія Ѳеодоровна въ свое время принимала участіе объ опредѣленіи ея въ надзирательницы больницы съ тѣмъ, чтобы я по этой просьбѣ доложилъ въ завтрашнее засѣданіе комитета. Это меня смутило: «бѣда, думаю, моя кандидатка не устоитъ, и тѣмъ болѣе досадно, что, вопреки моему правилу заявлять о чемъ-нибудь преждевременно, я сообщилъ ей объ успѣхѣ ходатайства моего у принца; но, постой, знаю, какъ отразить нашествіе». На другой день, по прочтеніи журнала прошедшаго засѣданія и послѣ нѣкоторыхъ по главному дѣлу сужденій, принцъ Ольденбургскій встаетъ съ своего мѣста и, подавая наслѣднику какую-то бумагу, говоритъ: «эту просьбу вдовы (кажется, Вороновой), извѣстной императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ по воспитанію въ Смольномъ монастырѣ (опять Марія Ѳеодоровна, и отъ часу не легче, Смольный монастырь), объ опредѣленіи ея въ надзирательницы нашей больницы, передала мнѣ графиня Баранова для представленія, вмѣстѣ съ ея рекомендаціею, вашему высочеству».

— «Да, сказалъ цесаревичъ,—получили вы отъ Олсуфьева такую же просьбу?».

— Получилъ, ваше высочество.

— «Что жъ вы о ней скажете?»

— По моему мнѣнію, ваше высочество, просьба эта удовлетворена быть не можетъ.

— «Почему?»

— Потому что просительница дѣвица, а у насъ будетъ десять кроватей для роженицъ, за которыми въ особенности понадобится ухаживать и наблюдать: дѣвицъ это не идетъ.

— «Совершенно согласенъ съ вами; а что скажете о другой просьбѣ?»

При этихъ словахъ я обратился къ принцу Ольденбургскому:

— Позвольте, ваша свѣтлость, напомнить вамъ, что мѣсяцъ назадъ я рекомендовалъ на эту должность одну достойную даму, и вы изъявили согласіе.

— «Да-съ, но я совсѣмъ позабылъ. Кто это?» спросилъ наслѣдникъ.

— Вдова Ланге, ваше высочество, можетъ быть, изволите припомнить: она была камеръ-фрау великихъ князей, донинѣ сохраняетъ къ нимъ самую глубокую преданность и привязанность, не можетъ безъ признательнаго чувства говорить о нихъ и искренно оплакиваетъ преждевременную кончину ея высочества Александры Николаевны. Поэтому, кажется, всего приличнѣе ей завѣдывать заведеніемъ въ память покойной.

— «Конечно, но и рекомендуемая графинею Барановою тоже имѣетъ много права. Не знаю, какъ рѣшить этотъ вопросъ».

— Ваше высочество,—сказалъ, вставая генераль-губернаторъ Храповицкій, заступившій мѣсто Кавелина,—по моему мнѣнію, изъ всѣхъ кандидатокъ должна быть предпочтена та, которую рекомендуетъ Владиміръ Ивановичъ.

— «Я самъ тоже думаю, отвѣчалъ цесаревичъ,—но безъ батюшки и матушки не могу этого рѣшить. Пришлите мнѣ, продолжалъ онъ, повернувшись ко мнѣ,—записку о вашей г-жѣ Ланге».

Надобно сказать, что года за два передъ тѣмъ, къ петергофскому полиціймейстеру подкинули ребенка, въ хорошемъ бѣльѣ и съ двумя стами рублей серебромъ, которые (какъ сказано было въ приложенной запискѣ) будутъ ежегодно доставляемы. Полиціймейстеръ просилъ о дозволеніи усыновить дитя, но какъ у насъ нѣтъ закона объ усыновленіи подкидышей дворянами, то государь приказалъ князю Волконскому послать меня къ генералу Храповицкому, спросить его, какъ онъ поступилъ съ подкинутою ему нѣсколько лѣтъ назадъ дѣвочкою. Храповицкій объяснилъ мнѣ, что онъ ждетъ исполненія шести лѣтъ, чтобы положить въ кредитное установленіе на ея имя двѣсти тысячъ рублей, потому что тогда, какъ увѣрили его, мать не будетъ уже имѣть права потребовать назадъ своего ребенка. (Очевидно, что гадательное это увѣреніе основано было на примѣненіи настоящаго случая къ извѣстному закону, относительно пятилѣтней безвѣстности супруговъ другъ о другѣ). Кончивъ объ этомъ, Храповицкій выразилъ искреннее удовольствіе, что о немъ в с п о м н и л и. «Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, — говорилъ онъ, — какъ я въ опалѣ; думалъ, что обо мнѣ совсѣмъ забыли. А я, какъ имъ всѣмъ (императорской фамиліи) преданъ!» Простодушіе и чувство, съ которыми старикъ произнесъ эти слова, тронули меня. Черезъ годъ послѣ этого, Кавелинъ померъ, и Храповицкій назначенъ с.-петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ ¹⁾. По поводу этого назначенія, я спросилъ однажды наслѣдника, почему Кавелинъ участвовалъ въ нашемъ комитетѣ: «потому ли, что онъ былъ наставникомъ вашего высочества, или потому, что былъ генераль-губернаторомъ? и если по этой послѣдней причинѣ, то не слѣдуетъ ли Храповицкому заступить его мѣсто?» — «Скорѣе полагаю, что по послѣдней причинѣ, — отвѣчалъ цесаревичъ, — по лучше спрошу объ этомъ государя». На слѣдующій день его высочество изволилъ обывить мнѣ, что, по отзывамъ государя, Кавелинъ былъ включенъ имъ въ число членовъ комитета, и именно какъ генераль-губернаторъ, и что слѣдственно Храповицкій долженъ занять его мѣсто.

¹⁾ Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, генераль-адъютантъ съ 1816 года, род. 9-го августа 1784 г., † 31-го марта 1847 г.

— «Такъ увѣдомьте его объ этомъ», промолвилъ наслѣдникъ.

— Ваше высочество, сказалъ я,—не прикажете ли лучше заготовить рескриптъ отъ васъ на имя Матвѣя Евграфовича: во сколько разъ такое увѣдомленіе будетъ для него драгоцѣннѣе.

— «Очень хорошо; такъ заготовьте и пришлите къ моему подписанію».

Признаться, я сдѣлалъ это потому болѣе, что меня тронула упомянутая выше чистая русская преданность старика къ царскому дому. Получивъ обратно подписанный наслѣдникомъ рескриптъ, я пожелалъ самъ отвезти его къ Матвѣю Евграфовичу, чтобы видѣть, какъ онъ на него подѣйствуетъ. «Его высочество, наслѣдникъ цесаревичъ,—сказалъ я, вошедши въ кабинетъ,—поручилъ мнѣ доставить вашему высокопревосходительству этотъ пакетъ». Храповицкій распечаталъ, прочиталъ и съ крупными на глазахъ слезами нѣсколько разъ поцѣловалъ подпись. Я былъ очень доволенъ, что не ошибся въ моемъ ожиданіи. Тутъ я разсказалъ ему, какимъ образомъ состоялось назначеніе его въ члены. Можетъ быть поэтому, кромѣ собственнаго убѣжденія, по чувству признательности ко мнѣ, старикъ поддержалъ предложеніе мое въ комитетѣ.

По приказанію наслѣдника, я послалъ ему записку о г-жѣ Ланге, вмѣстѣ съ журналомъ комитета, который обыкновенно представлялъ онъ на усмотрѣніе государя. Вечеромъ журналъ былъ возвращенъ мнѣ, а записки нѣтъ. Я опять опечалился, думалъ, что она оставлена безъ послѣдствій. Такъ проходило недѣли двѣ. Вотъ однажды князь Петръ Михайловичъ говоритъ мнѣ: «Потрудитесь сходить къ наслѣднику, онъ къ вамъ милостивъ, спросите его высочество вотъ объ этомъ-то». Теперь совершенно не помню, что это былъ за вопросъ и по какому дѣлу. Иду, прошу камердинера доложить. Тотъ отвѣчаетъ, что никакъ не смѣетъ, потому что его высочество торопится къ государю съ бумагами. Въ самомъ дѣлѣ, наслѣдникъ вышелъ въ ту же минуту, держа въ рукѣ портфель, и, увидавъ меня, подошелъ съ вопросомъ: «Что скажете?» Я передалъ ему порученіе князя и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Засимъ онъ сдѣлалъ мнѣ легкій поклонъ и скрылся въ коридорѣ. Я счелъ неприличнымъ идти тотчасъ вслѣдъ за нимъ и пріостановился въ залѣ. Что же? Вдругъ дверь коридора отворяется, и цесаревичъ,

переступивъ порогъ, говоритъ мнѣ: «А я и забылъ сообщить вамъ, что и государь и матушка предпочли ту даму, которую рекомендовали вы». Сколько доброты въ этомъ поступкѣ! Онъ спѣшилъ къ государю, прошелъ уже довольно коридоромъ и воротился для того, чтобы меня порадовать, примѣтя, конечно, принимаемое мною участіе въ г-жѣ Ланге.

Въ іюлѣ 1848 г., въ самый разгаръ ужасной тогдашней холеры, больница была окончательно готова. Я увѣдомилъ объ этомъ князя и предложилъ освятить ее въ день кончины ея высочества, 29-го іюля. Дворъ, а съ нимъ и князь безвыѣздно находились тогда въ Петергофѣ. Министръ, по докладѣ государю, отвѣчалъ мнѣ, что Его Величеству угодно, чтобы обрядъ освященія совершенъ былъ наканунѣ, 28-го числа, что 29-го онъ пріѣдетъ съ сыновьями въ Петропавловскій соборъ на панихиду, и чтобы тамъ въ это время, кромѣ членовъ комитета, членовъ строительной при комитетѣ комиссіи, наблюдавшей за произведеніемъ работъ, и нѣсколькихъ первенствующихъ врачей, никого лишняго не было.

29-го іюля, мы всѣ собрались, разумѣется, заблаговременно и встрѣтили государя на лѣстницѣ. Глаза его были красны отъ слезъ. Онъ вошелъ въ церковь со всѣми своими сыновьями и приказалъ служить панихиду, въ продолженіе которой опять много плакалъ и снова прослезился, когда, по окончаніи службы, увидѣлъ надъ жертвенникомъ ту самую глазетовую сѣнь, которая осѣняла гробъ покойницы при отпѣваніи. Потомъ пошелъ обозрѣвать зданіе. Мы послѣдовали за нимъ. На этомъ пути я успѣлъ улучшить минуту, чтобы подойти къ наслѣднику и доложить, что такъ какъ комитетъ учрежденъ рескриптомъ Его Величества, то и на закрытіе онаго нуженъ или Высочайшій же рескриптъ, или, по крайней мѣрѣ, журналъ, Высочайше утвержденный. Цесаревичъ поблагодарилъ меня за напоминаніе и немного погодя передалъ объ этомъ князю Петру Михайловичу. Государь остался доволенъ зданіемъ и, сойдя съ лѣстницы, по которой мы всѣ, съ обоихъ ея спусковъ, его провожали, сказалъ: «князь Петръ Михайловичъ, благодарю! Принцъ Петръ! Благодарю! Благодарю! Ну, Саша! Благодарю тебя!», съ сими словами началъ обнимать стоявшаго подлѣ него наслѣдника; въ эту минуту глаза его высочества черезъ плечо отца устре-

мились на меня, и по движенію губъ видно было, что онъ что-то тихо говоритъ ему. «Ужь не обо мнѣ ли», — подумаль я по какому-то предчувствію. Такъ и вышло, — вдругъ раздался лебединый голосъ государя: — «Панаевъ!» Я, стоявшій на четвертой отъ полу ступенькѣ, тотчасъ подбѣжалъ къ нему. «Спасибо, спасибо тебѣ, Панаевъ, — сказалъ государь, взявши меня за руку, — право, все очень хорошо». Съ этими словами онъ вышелъ на крыльцо, сѣлъ съ царевичемъ въ коляску и поѣхалъ прямо въ Петергофъ. Князь отправился туда же, но успѣлъ мнѣ сказать, чтобы я завтра привезъ въ Петергофъ проектъ послѣдняго нашего журнала о закрытіи комитета.

Въ тотъ годъ рейсы петергофскаго парохода, принадлежащаго министерству двора, распредѣлены были страннымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, вечерній отходилъ отъ невской своей пристани въ пять часовъ; не знаешь бывало, гдѣ обѣдать въ Петербургѣ? Можно нерѣдко по милости обѣда опоздать на пароходъ; въ Петергофъ — такъ это будетъ около уже семи часовъ. Въ такомъ раздумьи я былъ на другой день посѣщенія государемъ больницы, вышелъ изъ канцеляріи въ четыре часа; но, вспомнивъ, что поѣду мимо гостиницы «Лондонъ», рѣшился отобѣдать тамъ на скорую руку. На пароходъ, набитый пассажирами, пріѣхалъ въ-время. Пары были разведены, пробилъ назначенный часъ, а пароходъ не двигался. «Что это значитъ?» — спросилъ я капитана. «Мы ждемъ принца Ольденбургскаго; онъ будетъ кушать въ моей каютѣ, и тамъ все уже приготовлено». Пока мы говорили, принцъ взшелъ на пароходъ и хотя я находился въ противоположномъ концѣ, онъ меня примѣтилъ. Минутъ черезъ десять адъютантъ его, Мухановъ, подходитъ ко мнѣ и говоритъ, что его свѣтлость проситъ меня къ себѣ въ каюту съ нимъ откушать. «Поблагодарите, — отвѣчалъ я, — его свѣтлость за лестное приглашеніе; но, къ крайнему сожалѣнію, я не могу имъ воспользоваться: я сейчасъ только отобѣдалъ». Черезъ полчаса тотъ же Мухановъ опять ко мнѣ подходитъ съ новымъ предложеніемъ принца, что, если я не могъ у него отобѣдать, то пришелъ бы, по крайней мѣрѣ, выпить съ нимъ бокаль шампанскаго и чашку кофе. Я тотчасъ отправился въ каюту. На столѣ стояла бутылка шампан-

саго; я съ удовольствіемъ выпилъ два бокала; а за кофе говорилъ все объ устройствѣ больницы. Я сказалъ, между прочимъ, что везу проектъ послѣдняго нашего журнала; принцъ желалъ прочесть его и одобрилъ. По прибытіи въ Петергофъ, я на другое утро представилъ проектъ министру. Онъ также одобрилъ его и подписалъ, посоветовавъ мнѣ, чтобы улучшить наслѣдника, идти теперь же на верхъ (князь жилъ тогда въ нижнемъ этажѣ Петергофскаго дворца, по лѣвую сторону главнаго подъѣзда) и подождать въ портретной, когда онъ выйдетъ отъ государя, гдѣ его высочество и можетъ подписать журналъ, а чернильница тамъ есть, стоитъ на окнѣ. Я пошелъ, въ сѣняхъ встрѣтился мнѣ принцъ Ольденбургскій и спросилъ: «одобрилъ ли князь мой журналъ?» Я отвѣчалъ, что не только одобрилъ, но и подписалъ, и что по совѣту его иду на верхъ представить журналъ наслѣднику. «Вы его тамъ не найдете»,—сказалъ принцъ.—Онъ уже вышелъ отъ государя, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ Ораніенбаумъ». Я воротился къ князю и передалъ ему слышанное отъ принца. «Ну, такъ поѣзжайте часа въ два на дачу его высочества и тамъ его подождите»,—сказалъ князь.

Приѣзжаю, спрашиваю камердинера, скоро ли цесаревичъ будетъ назадъ. Тотъ отвѣчаетъ, что онъ и самъ не знаетъ, что государь звалъ сегодня ихъ высочества къ себѣ кушать въ четыре часа, а вотъ недавно, проѣзжая мимо, громко закричалъ: «не въ четыре, а въ половинѣ четвертаго». Боямся, чтобы его высочество, не зная объ отъѣзѣ, не запоздалъ. Подождавъ напрасно полчаса и соображая, что наслѣдникъ, согласно первому приглашенію государя, не поторопится изъ Ораніенбаума, приѣдетъ, положимъ въ три часа; но вѣдь ему надобно будетъ переодѣться, а много ли останется времени до половины четвертаго, и успѣетъ ли со мною заняться. Вслѣдствіе этихъ соображеній, я разсудилъ, что всего лучше поѣхать мнѣ къ Олсуфьеву (оберъ-гофмейстеру, управлявшему дворомъ наслѣдника), бывшему со мною въ хорошихъ отношеніяхъ, передать ему журналъ и просить представить оный къ подписанію его высочества, такъ какъ онъ по нѣскольку разъ въ день съ нимъ видится, по подписаніи же переслать ко мнѣ. Олсуфьевъ охотно принялъ на себя этотъ трудъ; но вдругъ спросилъ: «скажите, по-

жалуйста, что у васъ было вчера тамъ въ новой больницѣ?» «Вотъ что было,—отвѣчалъ я съ живостью:—государь остался доволенъ; отъѣзжая благодарилъ членовъ, каждого по-именно; когда же сталъ обнимать наслѣдника, я примѣтилъ, что его высочество шепнулъ ему, чтобы онъ поблагодарилъ и меня, потому что въ ту же минуту государь подозвалъ меня и во всеуслышаніе выразилъ мнѣ свою царскую признательность. Какъ я радъ, Василій Дмитріевичъ, что вы меня объ этомъ спросили, сдѣлайте милость, выразите его высочеству мою глубочайшую признательность за такое милостивое его ко мнѣ вниманіе».

— «Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Олсуфьевъ,—вы должны сами это сдѣлать; надобно, чтобы онъ видѣлъ, какъ цѣнится его благодущіе, и чрезъ то болѣе бы сближался съ подданными».

— Но когда и гдѣ могу это сдѣлать?

— «Сегодня же, когда будете представлять ему вашъ журналъ къ подписанію; возьмите его назадъ и поѣзжайте обратно».

Пріѣхавъ опять на ферму, я не долго уже ждалъ возвращенія наслѣдника, минутъ десять. Раздался топотъ верховой лошади; онъ вошелъ и тотчасъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— «Что, изготовили журналъ?»

— Готовъ, ваше высочество.

Тутъ, взявъ меня за руку, сказалъ онъ съ выраженіемъ особенной доброты:

— «Благодарю васъ, Панаевъ».

— Позвольте мнѣ поблагодарить ваше высочество.

— «За что?»

— А за то счастье, которое вчера изволили мнѣ доставить. Вѣдь я прочелъ въ вашихъ глазахъ желаніе, чтобы государь поблагодарилъ и меня.

— «Ну что объ этомъ говорить», и снова взялъ меня за руку. Въ эту минуту я хотѣлъ, растроганный, поцѣловать ее, но онъ не допустилъ и, сказавъ:

— «Вотъ ужъ лучше такъ», обнялъ и поцѣловалъ меня. Потомъ, быстро повернувшись, пошелъ во внутреннія комнаты, говоря:

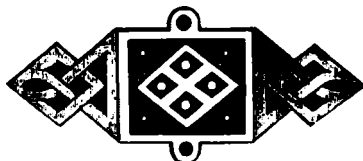
— «Я сейчасъ буду готовъ».

Дѣйствительно, не болѣе какъ чрезъ пять минутъ, меня къ нему позвали. Его высочество сидѣлъ въ гостиной за столомъ, на которомъ стояла чернильница. Я подалъ журналъ; онъ прочелъ, одобрилъ и подписалъ; вставая же, опять взялъ меня за руку и опять сказалъ:

— «Благодарю васъ».

В. И. Панаевъ.

Сообщила М. Л. Каземъ-Бекъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. И. ПАНАЕВА¹⁾.

О дѣйствіяхъ г-на Магницкаго.

Г-нъ попечитель Казанскаго учебнаго округа, выставляя вездѣ себя и словесно и письменно, въ другихъ же находя безбожіе и карбонарство и безпорядки въ управленіи, певольнымъ образомъ принуждаетъ подробнѣе разсмотрѣть собственные его поступки, чтобы видѣть: справедливо ли онъ осыпаетъ себя похвалою, а другихъ порицаетъ? Нѣтъ ли противорѣчія въ его поступкахъ, въ его сужденіяхъ о вещахъ и людяхъ? Строго ли онъ держится истины? Не располагаетъ ли мнѣніями своими — даже въ случаяхъ особенной важности — смотря по обстоятельствамъ, сообразно личнымъ своимъ видамъ? Не скрывается ли въ отпращиваніи имъ должности желанія властвовать, какъ ему угодно, вопреки предписанныхъ правилъ, и только запутывая дѣла другихъ, показывать видъ, что онъ одинъ въ состояніи ихъ распутать и привести въ порядокъ?

Все сіе покажутъ слѣдующія краткія замѣчанія, основанныя на актахъ, хранящихся въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Для лучшаго же и полнѣйшаго соображенія прилагаются здѣсь:

1) Подробная записка о произведенномъ имъ въ 1819 году осмотрѣ Казанскаго университета.

2) Сдѣланное примѣрно краткое извлеченіе изъ меморій совѣта и правленія Казанскаго университета за 1822 годъ.

3) Списокъ съ отношенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Новосильцова на имя нынѣшняго г. министра народнаго просвѣщенія отъ 28 августа сего года за № 1007.

¹⁾ См. «Русск Старину», изд. 1893 года LXXVII, февраль, стр. 299 — 312.

Нарушеніе предписанныхъ правилъ и подчиненности.**I.**

Въ первомъ пунктѣ инструкціи директору Казанскаго университета сказано: «Директоръ университета есть довѣренный граждапскій чиновникъ».

Г-нъ Магницкій, опредѣливъ въ сію должность надворнаго совѣтника Владимірскаго, исходатайствовалъ ему впослѣдствіи званіе профессора, чрезъ что подчинилъ его не только совѣту — даже факультету, въ составъ котораго онъ поступилъ, слѣдственно испровергъ самое основаніе инструкціи.

Въ преемники Владимірскому избралъ также профессора (Никольскаго); потомъ опять сталъ опредѣлять чиновниковъ стороннихъ.

II.

По поводу возникшихъ недоразумѣній о первенствѣ между директоромъ и ректоромъ Казанскаго университета, г. попечитель предложеніемъ своимъ университету (18 мая 1820 года за № 422) отдалъ оное первому, и, сверхъ того, присвоилъ ему самъ собою чинъ четвертаго класса, на что однакожь не было и доселѣ нѣтъ Высочайшаго указа. Между тѣмъ директоръ Владимірскій пользовался титуломъ превосходительства.

III.

§ 166 устава требуетъ, чтобы визитаторами училищъ округа были профессора и чтобы каждый изъ нихъ, когда будетъ отправленъ, обозрѣлъ одну или двѣ губерніи.

Г-нъ Магницкій испросилъ позволеніе двукратно отправить визитаторомъ находившагося при немъ титулярнаго совѣтника (Розонова), поручивъ ему осмотрѣть по нѣскольку, въ каждый разъ, губерніи.

IV.

Сумму, на визитаторовъ уставомъ назначенную, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ приказывалъ употреблять на канцелярскіе расходы (предложеніе правленію отъ 21 февраля 1822 г. № 220).

Само собою разумѣется, что чрезъ сіе уменьшились способы университета къ выполненію важной обязанности — ежегоднаго обозрѣнія училищъ.

V.

Вообще позволялъ себѣ располагать суммами университета безъ предварительнаго сношенія съ совѣтомъ, что противно уставу.

VI.

Исходатайствовалъ постановленіе главнаго училищъ правленія (состоявшееся въ генварѣ 1820 г.), о распространеніи на Казанскій университетъ 79-й статьи устава Дерптскаго университета, въ которой сказано, что никто, не бывъ докторомъ, не можетъ быть профессоромъ, кромѣ людей, имѣющихъ особенную извѣстность въ ученомъ свѣтѣ; въ февралѣ того же года опредѣлилъ профессоромъ учителя С.-Петербургской гимназіи Пальмина, который не имѣлъ ни докторскаго званія, никакой ученой извѣстности. Вслѣдъ за симъ такимъ же образомъ опредѣлены нѣкоторые другіе.

VII.

Профессору Жобару положилъ полный окладъ жалованья за двѣ каѳедры, т. е. 4.000 рублей, тогда какъ, на основаніи постановленія главнаго училищъ правленія, за вторую каѳедру слѣдовало назначить ему только 1.200 рублей.

VIII.

Не дождавшись совѣтскаго избранія—вопреки § 58 устава—исходатайствовалъ нѣкоторымъ лицамъ званія профессоровъ, въ томъ числѣ Фогелю, хотя и посылалъ на разсмотрѣніе совѣта его сочиненія.

XI.

Не представлялъ предписанныхъ инструкціями годичныхъ отчетовъ объ управленіи университетомъ и округомъ онаго съ 1822 года; ибо нѣсколько страницъ, поднесенныхъ имъ въ текущемъ году г. министру, гдѣ бѣгло пройдено все время отъ 1819 по 1825 годъ, скорѣе могутъ назваться похвальнымъ словомъ университету, а не отчетомъ.

X.

Не представилъ министерству отчета ни за одинъ годъ работъ по отстройкѣ университета, на чтò издержано уже болѣе трехсотъ тысячъ рублей, хотя самъ, какъ видно изъ дѣлъ, получалъ оныя отъ университета.

XI.

Укоряя другихъ въ неисполненіи постановленій правительства, явилъ собою отличительный примѣръ нарушенія одного изъ важнѣйшихъ, относящихся собственно до его обязанности: въ продолженіе шести лѣтъ ни единожды не обозрѣвалъ своего округа, тогда какъ Высочайше повелѣно попечителямъ осматривать училища своего вѣдомства по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ два года, да и нынѣ отправился въ Казань единственно по настоянію г. министра.

XII.

Въ нарушеніе не только законовъ подчиненности, но и самого приличія, отъѣзжая въ Казань, не разсудилъ откланяться г. министру и принять отъ него личныя наставленія, ограничился единственно письменнымъ увѣдомленіемъ о своемъ отъѣздѣ, въ коемъ сказано, что онъ былъ у его высокопревосходительства, но не принять (чего по дежурной книгѣ не оказалось) и къ удивленію выставилъ на своемъ отношеніи то число, въ которое находился уже въ дорогѣ.

XIII.

Не отвѣчалъ на нѣсколько предписаній г. министра, въ томъ числѣ на троекратно повторенное—о выдачѣ аттестата профессору Жобару, и двукратно—профессору Пальминову.

XIV.

Изъ Казани ни одною строкою не донесъ министру о томъ, какъ происходили экзамены, какъ отправлено было освященіе университетскаго храма и торжественное собраніе; но въ то же время безъ дозволенія министерства напечаталъ о томъ въ двухъ официальныхъ газетахъ, съ чрезвычайными всему похвалами.

Ложныя свидѣтельства.

I.

Г-нъ Магницкій, будучи посланъ въ 1819 году осмотрѣть Казанскій университетъ и проживъ въ Казани только одну недѣлю, донесъ, что по всѣмъ частямъ найдены имъ величайшія злоупотреб-

бленія, что нѣтъ средствъ оныя исправить и что университетъ долженъ быть публично разрушенъ (!).

Естественно ли въ теченіе одной недѣли вникнуть до такой степени во всѣ части столь обширнаго заведенія, каковъ университетъ? Семи дней, кажется, было бы недостаточно на подробное осммотрѣніе послѣдней губернской гимназіи.

Примѣчаніе. Въ такъ называемомъ отчетѣ, поданномъ имъ нынѣшнему г. министру въ текущемъ году, коснувшись сего случая, онъ даетъ совсѣмъ иной толкъ оному: говорить, что прежнее министерство, увидѣвъ изъ его донесенія таковое неустройство университета, сомнѣвалось даже въ возможности его существованія (!).

II.

Распространяясь въ особенности о духѣ тогдашняго университетскаго совѣта, духѣ воспитанниковъ и всего вообще округа (котораго однакожъ не видалъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одной Нижегородской гимназіи, и то проѣздомъ)—онъ отозвался о университетѣ Казанскомъ, какъ о скопищѣ богоотступниковъ, и до сихъ поръ не перестаетъ повторять (отчетъ, поданный въ 1825 году), что оный какимъ-то чадомъ заражалъ прежде страны своего округа и что большую часть профессоровъ онаго составляли развратные пришельцы, брошенные въ собственномъ отечествѣ; однакожъ ничѣмъ не доказалъ сего ужаснаго обвиненія. Правда, онъ сослался на рѣчь Срезневскаго (замѣтить надобно: русскаго профессора), но еслибъ она и дѣйствительно найдена была богопротивною (что также не изслѣдовано), то одинъ сей случай ничего еще не доказываетъ.

Вотъ для примѣра нѣкоторые профессоры, коихъ г-нъ Магницкій называетъ развратными пришельцами, оброшенными въ собственномъ отечествѣ: Литровъ, славный астрономъ, нынѣ директоръ вѣнской обсерваторіи, Ердманъ, отличный врачъ, нынѣ лейбъ-медикъ короля саксонскаго, Френъ, знаменитый оріенталистъ, нынѣ членъ здѣшней академіи наукъ; Броннеръ, извѣстный въ Европѣ многими своими твореніями, нынѣ занимаетъ по-

четную должность въ своемъ отечествѣ, въ Швейцаріи; Стерль, котораго изъ Казани приглашали въ университетъ Оксфордскій; Германъ, извѣстный сочиненіями своими о древностяхъ, въ послѣдствіи пробствъ евангелической церкви въ Саратовѣ, Бартельсъ и Нейманъ, нынѣ профессорами въ Дерптѣ; наконецъ Фуксъ, нынѣшній ректоръ Казанскаго университета.

III.

Тогда же (въ 1819 году) г. Магницкій донесъ министру, что нѣкоторые изъ купленныхъ и построенныхъ университетомъ домовъ (университетомъ собственно не было построено ни одного дома), въ такомъ положеніи, что ихъ и чинить нельзя, а нужно будетъ перестроить ихъ, или сломавъ, построить новые; что стѣна въ главномъ корпусѣ угрожаетъ паденіемъ.

Присланный имъ же изъ Петербурга архитекторъ не нашелъ ничего подобнаго; напротивъ, самый старый изъ купленныхъ домовъ, называвшійся Тенишевскимъ, соединилъ онъ съ главнымъ корпусомъ, безъ перестройки; въ Спижарковскомъ счелъ нужнымъ поисправить внутреннее расположеніе, въ Типографскомъ изъ подваловъ устроить этажъ для помѣщенія инвалидовъ и только.

IV.

Доносилъ тогда же, что Казанскій университетъ по 1819 годъ стоитъ правительству два уже милліона рублей, но денежными отчетами университета доказать можно, что по то время принято было не болѣе 1.250.000 рублей. Откуда же взялись лишнія 750 тыс. рублей?

V.

Обвинивъ прежнее начальство Казанскаго университета въ растратѣ важныхъ суммъ и безотчетности, но не только не обличилъ

ни одного виновнаго, но самъ же чрезъ нѣсколько строкъ сознался, что все имущество цѣлаго совѣта не составляетъ двадцатой доли сей растраты.

Примѣчаніе. Въ текущемъ 1825 году государственная экспедиція для ревизіи счетовъ относилась въ департаментъ народнаго просвѣщенія, что, находя нужнымъ имѣть нѣкоторыя объясненія по отчету Казанскаго университета, писала о томъ три раза тщетно и наконецъ получила отъ правленія университета отвѣтъ, что требованіе ея не можетъ быть выполнено — по неполученію отъ бухгалтера удовлетворительнаго объясненія.

За 1.500 верстъ мудрено управлять университетомъ, а еще болѣе выставлять его примѣрнымъ. По отвѣту правленія можно догадываться о порядкѣ хозяйственной части.

То же самое подтверждается и слѣдующимъ случаемъ: въ мартѣ мѣсяцѣ сего года г-нъ попечитель представлялъ г-ну министру о выдачѣ денежныхъ награжденій канцелярскимъ чиновникамъ университетскаго правленія изъ 2.891 рубля, оставшихся отъ 1824 г. изъ суммъ, на жалованье штатнымъ чиновникамъ правленія назначенныхъ и на бухгалтерію отчисляемыхъ. Но какъ департаментомъ народнаго просвѣщенія замѣчено было попечителю, что по имѣющимся въ ономъ вѣдомостямъ Казанскаго университета показано упомянутыхъ суммъ всего въ остаткѣ токмо 863 р. 5³/₄ коп., то попечительная канцелярія чрезъ три мѣсяца увѣдомила департаментъ, что остатковъ сихъ съ 1820 по 1825 годъ (а не отъ одного 1824 года) имѣется 3.135 руб. 81¹/₂ коп. (а не 2891 рубль), и что несходство оныхъ съ показанными прежде попечителемъ произошло отъ невѣрности счисленія суммы сей въ прежнихъ годахъ.

VI.

Донесъ на издателя «Библиографическихъ листовъ», что въ №№ 8, 9 и 10 его журнала содержится обличеніе святцевъ нашихъ въ невѣрности, искаженное превращеніе жизнеописаній св. Кирилла и Меодія и клевета на Святополка, исповѣдовавшаго православную вѣру, — требуя, чтобъ, если не самый журналъ, то по крайней мѣрѣ сіи номера онаго были запрещены.

По сличеніи доноса съ объясненіемъ издателя и по разсмотрѣніи дѣла сего въ конференціи С.-Петербургской духовной академіи, одобренномъ его высокопреосвященствомъ, митрополитомъ Серафимомъ, оказалось, что означенныя статьи журнала не содержатъ въ себѣ ничего противнаго нашей церкви, что г-нъ Магницкій самъ не зналъ, въ чемъ обвинялъ издателя, и что Святополкъ, котораго называетъ онъ православнымъ, былъ величайшій богоотступникъ своего времени, преданный анаемѣ святителемъ Меоодіемъ.

VII.

Донесъ, что книгопродавецъ Греффѣ выпустилъ въ продажу опасную и прямо противъ Россіи устремленную книгу: Real Encyclopédie, что по указанію его переведены изъ оной нѣкоторыя мѣста, гдѣ будто бы сказано: что Богородица, родившая Христа и другихъ многихъ дѣтей съ Іосифомъ мужемъ своимъ, не могла остаться дѣвою, что Христосъ не Богочеловѣкъ, а только человѣкъ, что императоръ Павелъ убитъ съ свѣдѣнія нынѣшняго государя императора Александра.

Не говоря уже о томъ, что означенная книга есть Энциклопедія и слѣдственно имѣетъ цѣлію только толкованіе всѣхъ словъ, къ наукамъ, искусствамъ и прочему относящихся, — по ближайшему переводу тѣхъ же самыхъ мѣстъ, съ соблюденіемъ истиннаго разума оныхъ, открывается, что о Богородицѣ, въ смыслѣ историческомъ сказано, что въ Аравіи существовала секта, признававшая Марію дѣйствительною женою Іосифа и матерью многихъ, рожденныхъ отъ него, дѣтей. Далѣе, что секта сія названа Антидико-Маріанитскою, и что за подобное же заблужденіе въ концѣ 4-го столѣтія Гелъводій въ Палестинѣ и епископъ Бонозу въ Иллиріи были признаны еретиками. О Іисусѣ Христѣ — что таинство и чудеса сопровождали Его вступленіе въ земную жизнь такъ же, какъ и исходъ изъ оной; но періодъ между двумя сими эпохами, самая жизнь Іисуса, принадлежитъ совершенно человѣчеству. Далѣе съ чувствомъ умиленія приводятся слова римскаго сотника: воистину человѣкъ сей сынъ бѣ Божій. — О кончинѣ императора

Павла — что послѣ долгаго сопротивленія и только подъ непремѣннымъ условіемъ снова уступить всѣ права и власть отцу своему, какъ скоро Богъ опять даруетъ ему здравіе и рассудокъ, рѣшился Александръ принять на себя правленіе государства. Далѣе говорится: когда великіе князья узнали о царубійствѣ, горести ихъ не имѣла предѣловъ. Александръ отринулъ сначала корону, съ такою жестокостію отнятую у отца его; наконецъ покорился необходимости.

Самое намѣреніе (не говоря уже о исполненіи) дать столь превратный смыслъ нѣмецкому тексту долженствовало бы всякаго привести въ ужасъ.

VIII.

Въ 1822 году въ физико-математическомъ отдѣленіи находилось только четыре студента. Въ іюлѣ мѣсяцѣ того жъ года отдѣленіе сіе доносило, что оно не находитъ возможности представить историческаго обозрѣнія о нынѣшнемъ состояніи физико-математическихъ наукъ, ибо, не получая ученыхъ журналовъ, ничего не знаетъ о ходѣ и успѣхѣ оныхъ.

Нынѣ г-нъ попечитель въ рѣчи своей, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета 15 сентября, говоритъ: въ наукахъ математическихъ, физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія сихъ наукъ открытія и усовершенія такъ, что тѣ изъ студентовъ сихъ кафедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ Парижскомъ не могли бы услышать (!). Вѣроятно ли дѣло, чтобы физико-математическое отдѣленіе Казанскаго университета, бывшее по истеченіи первыхъ трехъ лѣтъ управленія онымъ г-на Магницкаго въ столь жалостномъ состояніи, оказало вдругъ такіе блестящіе успѣхи, и тѣмъ болѣе тогда, когда кругъ наукъ сихъ, и безъ того уже обширный, распространяется нынѣ, преимущественно предъ всѣми другими науками, съ чрезвычайною быстротою, едва возможною для преслѣдованія самыхъ дѣятельныхъ наблюдателей?

Примѣчаніе. Вообще рѣчь г-на попечителя есть неопровер-

жимое доказательство рѣшительнаго и, конечно, не умышеннаго самохвальства его. Что должны бѣ были заключить объ ораторѣ члены университета, жители города и самые даже воспитанники, слушая столь неумѣренныя похвалы университету, который всѣмъ имъ извѣстенъ совсѣмъ въ иномъ видѣ?

IX.

Въ 1822 году профессоръ восточныхъ языковъ не имѣлъ у себя ни одного слушателя, хотя часть сія—важная въ политическихъ видахъ правительства—ни въ какомъ изъ русскихъ университетовъ не должна бы процвѣтать столь успѣшно, какъ въ Казанскомъ, по географическому положенію онаго и знатнѣйшей части самого округа.

Ныпѣ г. попечитель въ той же своей рѣчи говоритъ: «кандидаты словесности восточной (въ три года есть уже и кандидаты) оказали удивительные успѣхи въ самое короткое время. Ихъ экзаменовали природныя знатоки языковъ арабскаго и персидскаго и остались совершенно довольными какъ переводомъ, такъ и произношеніемъ, столь труднымъ для европейцевъ. Они удивлены были знаніемъ одного студента, рассказавшаго имъ труднѣйшія эпохи изъ исторіи восточной литературы, біографіи ихъ примѣчательнѣйшихъ авторовъ и весь ходъ магометанскаго ученія».

Кто не раздѣлитъ съ г. Магницкимъ удивленія его къ пріобрѣтеннымъ въ такое короткое время глубокимъ познаніямъ студентовъ Казанскаго университета въ литературахъ арабской и персидской, столь обширныхъ и труднѣйшихъ для изученія европейцевъ?

Примѣчаніе. Въ ректорской инструкціи, сочиненной, по собственному признанію, г. Магницкимъ, о профессорѣ восточныхъ языковъ, сказано: «онъ не имѣетъ нужды вдаваться излишне во все, что собственно принадлежитъ къ религіи восточныхъ народовъ, къ преданіямъ Магомета и первыхъ его учениковъ, къ баснословію святыхъ мужей, къ ихъ молитвамъ, очищеніямъ, постамъ и проч.» . Здѣсь г. Магницкій хвалится глубокими познаніями студентовъ въ магометанскомъ законоученіи!

Противорѣчія самому себѣ знаменуютъ большую часть дѣйствій

г. Магницкаго и потому посвящается онымъ особая, слѣдующая за симъ статья.

Противорчія.

I.

По осмотрѣ университета въ 1819 году, восхваляя до небесъ профессора Солнцева, назвавъ его правою своею рукою, сдѣлавъ его проректоромъ, потомъ ректоромъ, наградя его (перваго изъ профессоровъ отъ основанія Казанскаго университета) орденомъ Св. Анны второй степени, наконецъ, въ непродолжительномъ времени, отдалъ его подъ судъ.

Солнцевъ еще до окончанія слѣдствія уволенъ изъ университета и съ честію занимаетъ теперь должность прокурора Казанской губерніи.

II.

О профессорѣ Срезневскомъ сказалъ, что онъ «слѣдуетъ системѣ Якоба (но преподаваніе по сей системѣ введено было во всѣхъ университетахъ по предписанію министерства), руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и по счастью преподаетъ лекціи свои такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ».

Но въ Запискѣ о профессорахъ говоритъ о немъ же: «обладаетъ хорошо русскимъ языкомъ, изъясняется съ дарованіемъ. Въ предложеніи, данномъ университету: «отличныя способности Срезневскаго (и нѣкоторыхъ другихъ) не укроются отъ вниманія начальства».

Несмотря на сіе противорчіе въ аттестаціи, принято въ уваженіе обвиненіе Срезневскаго въ преподаваніи философіи по системѣ Якоба и въ деизмѣ, — и Срезневскій былъ отставленъ.

Но къ величайшему удивленію, въ томъ же 1819 году г. попечитель просилъ бывшаго г. министра объ утвержденіи сего же самаго Срезневскаго въ 8-мъ классѣ и о содѣйствіи ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь въ подлинной рукописи пропускъ; недостаетъ одной страницы.
Р е д.

Потомъ говорить, что онъ, служа (послѣ изгнанія) инспекторомъ Симбирской врачебной управы, получилъ чинъ и орденъ, стало быть, что онъ не такъ дурень, какъ говорилъ о немъ г. попечитель, стало быть, онъ оклеветанъ имъ. Далѣе говорить: «будто Арнгольдъ въ теченіе пяти лѣтъ испыталъ многія бѣдствія (но какія? Изъ послужнаго его списка видно, что онъ по удаленіи изъ университета служилъ въ Казани при военныхъ госпиталяхъ, а потомъ при Симбирской врачебной управѣ; первое мѣсто наградило его 2.000 руб., а послѣднее чиномъ и орденомъ). «Бѣдствія сѣ обратили Арнгольда на путь истинный и озарили для него медицинскія науки новымъ свѣтомъ; онъ удостовѣрился, что всѣхъ болѣзней первая, и можетъ быть единственная, причина есть грѣхъ, и что надобно заниматься лѣченіемъ души, нежели тѣла; что въ семъ смыслѣ онъ написалъ очень хорошую диссертацию, а г. попечитель послалъ ее въ университетъ для просмотрѣнія, напечатанія и руководства при преподаваніи наукъ медицинскихъ. Накопецъ, Арнгольдъ какъ по своему убѣжденію, такъ болѣе по убѣжденію г. попечителя, присоединился къ нашей православной вѣрѣ; крещенъ въ Казанскомъ соборѣ и г. попечитель былъ его воспріемникомъ отъ купели».

Въ заключеніе г. попечитель говорить, что по всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ (!!) считаетъ онъ приобрѣтеніе Арнгольда для университета по научной части весьма полезнымъ.

Если испытанныя человѣкомъ бѣдствія съ пользою иногда дѣйствуютъ на его нравъ; изъ худаго дѣлаютъ добрымъ; то какимъ образомъ могутъ онѣ заявленнаго невѣжду сдѣлать человѣкомъ ученымъ?

V.

Профессора Яковкина г. попечитель обвинилъ въ совершенномъ расхищеніи университетскаго и гимназическаго достоянія. За сіе Яковкинъ уволенъ. Но вскорѣ послѣ того онъ же ходатайствовалъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не имѣющемъ дневнаго пропитанія; вслѣдствіе чего велѣно Яковкину производить пенсіонъ отъ Человѣколюбиваго общества!

VI.

О профессорѣ Городчаниновѣ въ 1819 году отозвался, какъ о человѣкѣ способностей весьма слабыхъ (Записка о профессорахъ Казанскаго университета); а въ 1820 году выставляетъ его, какъ нѣкоего генія, говоря, что мнѣніе его о естественномъ правѣ должно составить важнѣйшую эпоху не только въ лѣтописяхъ университета—во всемъ ученomъ свѣтѣ.

VII.

Опредѣленный имъ директоръ Владимірскій въ три года по ходатайству его получилъ: чины коллежскаго и статскаго совѣтника и орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ отчетѣ за 1820 годъ г. попечитель рекомендуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Директоръ Владимірскій, подавая примѣръ христіанской жизни и добрыхъ чувствъ, весьма скоро пріобрѣлъ любовь и уваженіе примѣрнымъ смиреніемъ, кротостію, строжайшимъ безкорыстіемъ и справедливостію». Но въ 1822 году, предлагая совѣту о выборѣ новаго безсмѣннаго засѣдателя, обвиняетъ его же, Владимірскаго, въ самоуправствѣ.

Владимірскій, надѣленный такимъ образомъ въ короткое время чинами, денежными пособиями, чрезвычайными похвалами и весьма значительнымъ орденомъ, въ томъ же 1822 году вытѣсненъ изъ университета.

VIII.

На его мѣсто опредѣлили г. попечитель Никольскаго, также съ самою лестною рекомендацію, но въ концѣ слѣдующаго года началъ уже искать ему смѣны, подъ предлогомъ, что слабое здоровье не позволяетъ ему отправлять въ одно время двухъ должностей, профессорской и директорской, хотя причины сія существовали при самомъ его опредѣленіи. Впрочемъ, слабое здоровье Ни-

кольскаго не воспрепятствовало ему, за неприбытіемъ новаго директора, править должность сію до нынѣшняго года.

IX.

О профессорѣ Жоборѣ, за нравственность котораго ручался университету, которому назначилъ 4.000 рублей жалованья, не считая 500 рублей квартирныхъ денегъ (хотя онъ пользовался казенною квартирою), котораго ревность, труды и духъ въ преподаваніяхъ неоднократно удостоены похвалъ его, отозвался нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія, какъ о человѣкѣ буйнаго нрава, безумномъ, достойномъ ссылки!

X.

Въ предложеніи, данномъ въ 1819 году совѣту Казанскаго университета, по окончаніи ревизіи онаго, г. попечитель между прочимъ сказалъ: «Германія, благодаря Канту, пришедшему чрезъ лабиринтъ философіи къ предверію храма вѣры, ищетъ мудрости въ одной Библии, и мы ли одни останемся полвѣкомъ назади?»

Въ противоположность сему, онъ же, г. попечитель, въ отчетѣ о состояніи Казанскаго университета за 1820 годъ, говоритъ, что «въ составляемой профессоромъ Пальминымъ инструкціи для философской каѳедры изложены всѣ осторожности противъ ученія Канта, Фихте и Шеллинга, обуявшихъ цѣлую Европу гибельными своими заблужденіями» (!!). Чему изъ словъ г. попечителя вѣрить?

XI.

Г-нъ попечитель, говоря (въ 1819 году) о совершенномъ разстройствѣ университетскаго хозяйства, приписываетъ сіе, между прочимъ, тому, что заготовленіе разныхъ потребностей производилось не по подрядамъ, а закупомъ.

Послѣ, когда началось строеніе на 600.000 рублей, онъ предписалъ сію же мѣру, какъ лучшую.

XII.

Съ мая мѣсяца прошлаго 1824 года г. Магницкій съ величайшимъ рвеніемъ возстаеъ противъ библейскихъ обществъ, называетъ ихъ богопротивными; но прежде былъ онъ, можетъ быть, ревностнѣйшимъ поборникомъ оныхъ.

Вотъ доказательства:

Въ донесеніи своемъ объ осмотрѣ университета говоритъ онъ, что «азіатская типографія онаго можетъ быть орудіемъ библейскаго общества и, не ограничиваясь тисненіемъ алкорана, можетъ служить къ распространенію Евангелія на татарскомъ языкѣ».

Почти вслѣдъ за симъ, съ дозволенія его, открылось при университетѣ дѣятельное сотоварищество библейскаго общества, о которомъ въ отчетѣ за 1820 годъ говоритъ онъ, что «оно составило соединеніе всѣхъ лучшихъ по духу чиновниковъ и студентовъ и что, по примѣру университетскаго, учреждены уже подобныя сотоварищества въ пяти гимназіяхъ округа».

Наконецъ изъ отчета за слѣдующій годъ усматривается, что книгъ св. писанія, изданныхъ библейскимъ обществомъ, куплено университетомъ на 10.000 руб., для распространенія по училищамъ округа, не взирая на то, что нѣкоторые изъ оныхъ, какъ видно изъ дѣлъ, явно отзывались о невозможности расплачиваться за сіи книги, насильно и въ чрезвычайномъ обиліи къ нимъ посылаемыя. Г-нъ Магницкій для достиженія цѣли своей, то-есть, усерднѣйшаго содѣйствія дѣлу библейскаго общества, въ февралѣ 1822 года предписалъ директору университета: «чтобы каждый вступающій въ университетъ студентъ, казенный и пансіонеръ, имѣлъ при себѣ три собственныя книги: а) библію, на какомъ языкѣ желаетъ; б) новыя завѣтъ съ россійскимъ переводомъ; в) псалтирь на россійскомъ языкѣ; чтобы всѣ ученики гимназій и училищъ непремѣнно имѣли новыя завѣтъ съ россійскимъ переводомъ и псалтирь на россійскомъ языкѣ, чтобы директоры завели у себя такіе запасы сихъ книгъ, кои ни-

когда бы не были истощаемы, наполняясь всегда по мѣрѣ расхода».

Примѣчаніе. Въ такъ называемомъ отчетѣ, поданномъ имъ нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія за всѣ годы управленія своего университетомъ, ни полусловомъ не упоминаетъ онъ о таковой отличительной чертѣ даннаго имъ университету новаго направленія: въ прежнихъ же своихъ отчетахъ всегда симъ хвалился.

ХІІІ.

Въ 1821 году представлялъ бывшему г. министру князю Голицыну о необходимости преобразованія училищъ Казанскаго округа, доказывая, что уѣздныя и приходскія училища, какъ совершенно бесполезныя, должны быть уничтожены и замѣнены народными, по ланкастеровой методѣ, сколь можно въ большемъ количествѣ. Потомъ въ 1822 году предложилъ Казанскому университету, что «погруженные въ мракъ невѣжества и идолопоклонства племена мордвы, черемисъ и чувашъ призываютъ на себя особенное вниманіе, что за удобнѣйшее средство вывести ихъ изъ дикаго состоянія и озарить свѣтомъ Евангелія счелъ онъ учрежденіе подвижныхъ ланкастерскихъ школъ, что сего жъ средства требуютъ дикіе народы Кавказа и Сибири, что наконецъ таковыя подвижныя ланкастерскія школы могутъ простираться до Камчатки.

Но въ февралѣ текущаго 1825 года, онъ же, г. попечитель, представилъ нынѣшнему г. министру, что онъ давно и твердо увѣренъ, что учрежденіе школъ взаимнаго обученія есть выдумка никуда негодная и вредная, и что всѣ существующія въ Россіи сего метода школы необходимо нужно закрыть, обративъ ихъ въ обыкновенныя народныя училища.

ХІV.

Представлялъ нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія о запрещеніи церковно-библейской исторіи, сочиненной архіеписко-

помѣ Филаретомъ, между тѣмъ какъ самъ же, при сочиненіи инструкціи ректору Казанскаго университета, поставилъ профессору богословія въ обязанность руководствоваться въ преподаваніи церковно-библейской исторіи книгами, изданными комиссіею духовныхъ училищъ, что до настоящаго времени и наблюдалось.

XV.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1822 года г. попечитель извѣстилъ совѣтъ, что, находя нужнымъ осмотрѣть университетъ и нѣкоторыя губерніи округа, испрашивалъ и получилъ дозволеніе на отъѣздъ изъ С.-Петербурга.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1825 года отозвался онъ нынѣшнему г. министру народнаго просвѣщенія, что не находилъ нужнымъ въ первые годы осматривать университета, ибо принялъ онъ въ совершенной развалинѣ. Казалось бы, въ сіе то время и необходимъ былъ личный надзоръ его.

Примѣчаніе. Сверхъ сего, г. попечитель отозвался, что выполненію сей обязанности (обозрѣнія округа) препятствовало продолжавшееся пять лѣтъ дѣло о вознагражденіи его за разореніе отъ изгнанія, какъ то можно видѣть изъ дѣлъ департамента народнаго просвѣщенія. Изъ дѣлъ департамента усмотрѣно, что, рѣшившись въ 1822 году ѣхать для осмотра университета и получивъ на проѣздъ 4.000 руб., г. попечитель въ генварѣ того же года просить о дозволеніи отложить ему поѣздку сію до мая мѣсяца по причинѣ распутицы.

Распоряженія и дѣйствія, отличающіяся особенною странностію.

I.

Въ отчетѣ за 1820 годъ г. попечитель говоритъ, что «въ университетѣ установлено чтеніе св. писанія не только въ положенные часы, но и за обѣдомъ (!); что проступившійся студентъ име-

нуется нынѣ невиновнымъ, но грѣшнымъ (!), отлучается отъ прочихъ, лишается обыкновенной мясной пищи (!) и сколько можно свѣта; потомъ отдается на руки духовнику, который его увѣщаетъ, исповѣдуетъ и удостоиваетъ наконецъ Св. Таинъ (!); что во все время его исправленія положены общія молитвы сотоварищей и ихъ начальства объ обращеніи грѣшника (!).

Въ противоположность симъ обрядамъ, едва-ли въ самыхъ строгихъ монастыряхъ существующимъ и по истинѣ оскорбляющимъ своимъ неприличіемъ величіе Вѣры и святость важнѣйшаго таинства, могутъ служить тѣ два гласные случая, что въ 1824 и 1825 годахъ студенты, въ таковомъ смиренномудріи воспитанные, давали въ залахъ университета, съ разрѣшенія своего начальства, публичные маскарады и до утра танцевали съ дѣвицами и дамами. Попечитель, вѣроятно, съ благосклонностію принявъ извѣстіе о первомъ маскарадѣ, ибо второй былъ уже, можно сказать, блистательный: число приглашенныхъ на оный особъ простиралось до 500.

Примѣчаніе. Въ доказательство, что такого рода увеселенія (неприличныя не только въ Казанскомъ, во всякомъ другомъ университетѣ) не противорѣчатъ въ мнѣніи г. попечителя тому направленію, которое далъ онъ сему заведенію, можно еще привести то, что онъ не отказался отъ великолѣпнаго бала, даннаго ему университетомъ, 27-го прошедшаго сентября мѣсяца въ стороннемъ домѣ. Зала украшена была воздвигнутымъ въ честь его храмомъ изъ шкаликовъ, эмблематическою картиною съ вензелевымъ его именемъ и надписью внизу: «Благодѣтелю своему, благодарный университетъ».

II.

Г-нъ попечитель далѣе говорить, что «симъ вышесказаннымъ способомъ до того уменьшились преступленія между студентами, что въ два года случилось только два домашніе проступка, уединеніемъ и постомъ исправленные».

Казалось бы, что, по опыту первыхъ двухъ лѣтъ, черезъ четыре года Казанскій университетъ долженствовалъ представлять рѣдкое зрѣлище благочестія юношей, чуждыхъ и малѣйшихъ проступковъ,

свойственных ихъ возрасту, — но что жъ? Въ официальной статьѣ объ осмотрѣ университета попечителемъ, напечатанной въ 79 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» сего года, усматривается, что изъ пяти разрядовъ, на которые угодно было ему раздѣлить студентовъ, весь пятый заключалъ въ себѣ замѣченныхъ въ порокахъ, и что нѣкоторые изъ нихъ до такой степени оказались опасны своею дурною нравственностію, что г. попечитель прекратилъ имъ дальнѣйшую ученую дорогу, а опредѣлил ихъ въ канцелярію университета и оставилъ подъ строгимъ надзоромъ.

Примѣчаніе. Въ писцы канцеляріи университетской, которая вѣроятно не велика, годились бы и тѣ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназій, кои за природною неспособностію не подають никакой надежды къ успѣхамъ въ ученіи.

III.

Въ томъ же, за 1820 годъ, отчетѣ, г. попечитель извѣщаетъ бывшаго министра, что онъ предписалъ, вытребовавъ каталоги всѣхъ гимназическихъ библіотекъ, истребить вредныя книги.

Еще явственнѣе сказано о томъ въ предложеніи его правленію университета отъ 17 февраля 1822 года № 200, коимъ сомнительныя книги библіотеки Казанской гимназій предписывается истребить въ присутствіи безсмѣннаго застѣдателя.

Не извѣстно, по какому праву рѣшился г. попечитель сдѣлать костеръ изъ имущества казеннаго? Для чего бы не приказать хранить книги сіи въ особыхъ шкафахъ библіотеки университетской? §§ 74 и 184 устава дозволяется имѣть въ оной всѣ книги, какого бы содержанія онѣ ни были, только вредныя и соблазнительныя вѣлѣно отмѣчать въ каталогахъ и на заглавныхъ листахъ, и никому, кромѣ профессоровъ и адъюнктовъ, не давать.

Примѣчаніе. Въ отчетѣ, представленномъ текущаго года нынѣшнему г. министру, г. Магницкій говоритъ о семъ предметѣ, относительно того жъ 1820 года, совсѣмъ иначе, именно такъ: «вредныя книги, прибрѣтенныя въ прежнее управленіе, какъ скоро доведены были до моего свѣдѣнія, запрещены, опечатаны и хранятся особо». Партикулярно извѣстно, что истребленіе книгъ остановлено благо-

разуміемъ мѣстнаго университетскаго начальства, которое никакъ не могло рѣшиться исполнить самовольнаго распоряженія г. попечителя и, отобравъ осужденныя имъ на сожженіе книги, опечатаło ихъ и тайно хранило.

IV.

Нынѣ, составивъ каталогъ книгъ различнаго содержанія, счетомъ до 260 названій, представилъ г. министру о запрещеніи оныхъ, не доказавъ выписками или отмѣтками не изъ одной книги, почему считаетъ нужнымъ изъять ихъ изъ общаго употребленія.

V

При испытаніяхъ раздается отличившимся студентамъ восемь медалей, изъ коихъ семь серебряныхъ и одна золотая. Сію послѣднюю г. попечитель назначилъ тому изъ нихъ, который пріобрѣтетъ отличѣйшія познанія въ богословіи, забывъ, что университетъ не семинарія, и что правительство при учрежденіи онаго имѣло намѣреніе образоватъ не богослововъ, но гражданъ для разныхъ родовъ государственной службы (грамота, Высочайшедарованная Казанскому университету).

Г-нъ попечитель забылъ также и то, что размноженіе богослововъ во всѣхъ классахъ народа, а затѣмъ не чувствительно размноженіе склонности къ богословскимъ преніямъ было одною изъ причинъ паденія Восточной Римской имперіи.

Примѣчаніе. Сія, доказанная исторіею, политическая мысль невольно приводитъ къ одному изъ странныхъ и весьма дерзкихъ политическихъ мнѣній г. Магницкаго, неумѣстно приноровленному къ сужденію его о вредѣ философіи. Онъ письменно объявилъ, въ главномъ училищѣ правленія, что въ народномъ воспитаніи открыто распространеніе разрушительныхъ иллюминатскихъ началъ, угрожающее близкою опасностію церкви Господней и правленію отечественному (что дѣйствіемъ иллюминатовъ состоялся Высочайшій указъ 6 августа 1809 года) «сдѣлано, говоритъ онъ, положеніе, по которому все, въ старомъ благочестіи воспитанное, отрѣзано отъ всякаго повышенія и надежды по службѣ, и замѣнено людьми новаго, разрушительнаго воспитанія (!); что К а н н и н гъ, въ подкрѣ-

плєніе запрещенной книги профессора К у н и ц ы н а, ополчить противъ насъ 200.000 штыковъ и сто линейныхъ кораблей» (!).

Непостижимо, какую цѣль имѣлъ г. Магницкій разсѣвать въ правительствѣ такіа опасенія, находить въ отечествѣ нашемъ заговоръ иллюминатовъ, взводить такой ужасный поклѣпъ на невинную младенчествующую Россію, счастливую кроткимъ правленіемъ мудраго и добродѣтельнаго Государя, преданную ему безпредѣльно?.. Ужели не зналъ онъ, что искать зло тамъ, гдѣ его не существуетъ, значить возбуждать оное, и что подобными несправедливыми, гибельными подозрѣніями всего скорѣе разрывается связь народа съ правительствомъ?

VI.

Въ іюнѣ текущаго года представилъ г. министру о необходимости коллегіальнаго управленія частію пароднаго просвѣщенія, которое изъ конференціи всѣхъ академій, подъ предсѣдательствомъ министра съ титуломъ канцлера, составило бы академическій совѣтъ, долженствующій назваться Россійскою Александровскою академіею. Во вступленіи къ сему предположенію г. Магницкій говоритъ, что приведеніемъ онаго въ исполненіе некогда теперь медлитъ, ибо громаы невѣрія гремятъ уже подъ всѣми алтарями и тронами.

Сіе предположеніе, противное общему устройству государственнаго управленія, и основанное на такой побудительной причинѣ, неприличіе которой очевидно, было г. министромъ отвергнуто, какъ неумѣстное.

Въ заключеніе надлежало бы указать на поверхностныя свѣдѣнія г. попечителя, при совершенной увѣренности его въ обширности и глубинѣ оныхъ; на опрометчивыя, неосновательныя, хотя всегда рѣшительныя, сужденія его о различныхъ отрасляхъ человѣческихъ познаній; но сіе весьма ясно доказывается его ревизіею Казанскаго университета, опроверженіемъ доноса его на издателя библіографическихъ листовъ, нѣкоторыми замѣчаніями на его отчетъ за 1822 годъ члена главнаго училищъ правленія, академика Ф у с с а, а всего разительнѣе отношеніемъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Н о в о с и л ь ц е в а.

В. И. Панаевъ

Сообщила М. Л. Каземъ-Бекъ.